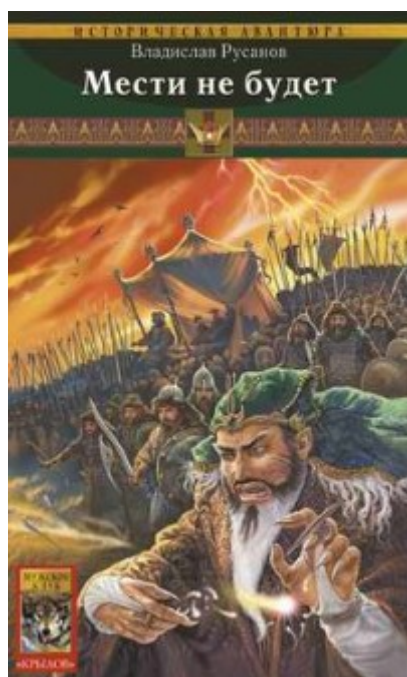

Владислав Русанов
Мести не будет
Серия «Клинки порубежья», книга 2

<http://www.fenzin.org>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138084
Клинки порубежья-2: Мести не будет: Крылов; СПб.; 2006
ISBN 5-9717-0217-3

Аннотация

Нет мира на многострадальной земле Прилужанского королевства. Мало того что брат восстал на брата, так еще и алчные соседи к дележу каравая пожаловали.

Как выжить? Как спастись, когда свои же в тюрьму упрятали, а тут еще на город обрушились кочевники, науськанные мятежным чародеем, злейшим твоим врагом?

Друзья рвутся на север, туда, где разгорается лесным пожаром кровавая междоусобица. Но труден их путь, слишком много охотников на прилужанскую казну решили сыграть в открытую.

Содержание

Майже весна	4
Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗАРЕВО НАД СТРЫПОЙ	14
Глава первая,	14
Глава вторая,	27
Глава третья,	41
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Владислав Русанов

Мести не будет

*Автор выражает благодарность Трусовым
Антониде Александровне и Алексею Афанасьевичу
за поддержку в период работы над книгой.*

Майже весна

Якби тобі – мої думки,
Ну а мені – та й чари твої,
Якби тобі – мої слова,
Якби мені – тебе і навпаки.

А за вікном майже весна,
Знає слова майже не сказані вона
І у моїх жилах присутня.
А за вікном майже весна,
І, Боже мій, як несподівано вона
Змінює все моє майбутнє,
Моє майбутнє і моє життя.

І я живу блиском очей,
Смаком бажань і запахом слів.
Буде колись і навпаки -
І моє життя, може, теж стане твоїм.

А за вікном майже весна,
Знає слова майже не сказані вона
І у моїх жилах присутня.
А за вікном – майже весна,
І, Боже мій, як несподівано вона
Змінює все наше майбутнє,
Наше майбутнє і наше життя.

Пролог

Гонец совершил непростительную ошибку, когда услышал из обступившего дорогу терновника приказ остановиться. Вместо того чтобы бросить повод и неторопливо поднять руки раскрытыми ладонями вперед, он пришпорил светло-гнедого горбоносого жеребца. Понадеялся, видно, на резвость не единожды проверенного скакуна.

Конь всхрапнул и рванул с места в намет.

Всадник подался вперед, нависая над коротко стриженной гривой. Юное лицо разругалось от азарта и собственной лихости.

Волосяной аркан, вылетевший из зарослей, упал гонцу на плечи, безжалостно затягиваясь вокруг горла, рванул его прочь с седла. Паренек покатился, взрывая палую листву, перекувыркнулся и замер, неестественно вывернув левую руку.

Два коня проломили грудью колючие ветви и устремились в погоню за светло-гнедым. Копыта глухо застучали по сырой земле. Всадники привстали на стременах, раскручивая над головами хищные петли арканов.

Следом за ними из кустов выехали еще полдюжины вооруженных людей на ухоженных, хотя и низкорослых конях. Мохнатые, надвинутые на лоб шапки, украшенные петушиными перьями, темные, далеко не новые жупаны. У многих на груди нашиты кольчужные «лоскуты». У каждого на левом боку узкая, кривая сабля. Двое, бросив поводья на холки коней, держали в руках до половины натянутые луки с изготовленными стрелами.

Даже на первый взгляд было видно – не лесные добычки. Войско. Реестр. Вернее всего, хоровские порубежники. Их нынешней осенью с берегов Стрыпы на северную границу воеводства перекинули. Вот и ходили дозорами порубежники вдоль дорог и трактов, мимо сел и застенков, от Хомутца, что на западе, до Жорнища, которое восточный угол хоровщины замыкает.

– Глянь-ко, Гавель! – воскликнул один, черноусый и чубатый. – Угорец никак!

Урядник, к которому он обращался, недовольно дернул плечом – отстань, мол, не до тебя. Его конь, осторожно ступая, приблизился к неподвижному телу. Гавель наклонился, внимательно рассматривая лежавшего гонца. Потом вскинул голову, сердито встопорщив рыжеватые усы. Зарычал, словно почуявший чужака цепной пес:

– Тюха! Тюха, мать твою через плетень! Ты что, вовсе языка брать разучился?

Седоусый порубежник, который, потупив глаза, спрыгнул с седла возле гонца и поспешно сматывал аркан, втянул голову в плечи. Виновато развел руками, вздохнул, словно пытаясь сказать: «Ну, не виноватый я... Не свезло».

– Ты что ж за горло петель берешь? – продолжал разоряться урядник. Даже плетью в сердцах взмахнул, но не ударил, не уронил чести порубежника. – Пеньку ж ясно – за плечи надо!

– Дык я... Это... – промямлил Тюха, зовущийся на самом деле Автухом. – Ну...

– Ну... – передразнил Гавель. – Ну – баранки гну! Стойла чистить до конца кастрычника пойдешь! Понял? Мацей!

– Я! – живо откликнулся скуластый порубежник со сросшимися на переносье бровями.

– Обыскать!

– Кого?

– Тьфу на вас! Пеньки колодчатые! – Урядник со злостью щелкнул увесистым концом плети по голенищу. – Угорца обыщи! Не Тюху же...

Порубежники с готовностью заржали. Горяч урядник, но отходчив и повеселиться любит. С таким хоть за Стрыпу, хоть за Лугу, хоть к лешаку на блины в глухомань лесную. Не выдаст, не продаст.

Мацей перебросил повод на руки зубоскалящему соседу, соскочил на землю. Валкой походкой матерого кавалериста подошел к телу. Носком сапога перевернул.

Верно. Угорец.

Высокие скулы, тонкий нос с горбинкой. Полоска соболино-черных усов по верхней губе, словно густо наколоченной с водой сажки отхлебнул из глечика. Из уголка рта сбежала тонкая полоска крови. То ли легкие отбил, падая, то ли попросту губу прикусил.

Молодой. Совсем мальчишка.

Автух горестно вздохнул. Убивать-то любому из порубежников едва ли не в привычку, но тут... Вдруг безвинного жизни лишил? Грех великий перед Господом. Такой не вдруг отмолишь.

– Ты не ворочай. Обыскивай! – прикрикнул на бровастого Мацея урядник.

Тот нехотя присел у распростертого тела. Снял круглую шапку, сшитую по угорской моде из курчавой шкурки молодого барашка, потряс напоказ.

– Пусто.

– За пазухой гляди! – строго приказал Гавель.

Мацей пожал плечами, сунул руку угорцу за ворот. Завязки, которые стягивали горловину рубахи, расшитой солнечными колесами и топориками, мешали, и порубежник, недовольно скривившись, рванул их посильнее.

– Оп-паньки!

– Есть что? – насторожился Гавель.

– Да нашел никак, – пробурчал Мацей, выживая на свет Господень черный кожаный шнур, затертый и лоснящийся от жира.

– Ладанка поди?.. – пробормотал Автух, неодобрительно поглядывая на командира.

– Закройся, Тюха! Подзимник на конюшне провести решил?

Провинившийся порубежник склонил голову и отошел к своему коню. Принялся цеплять аркан к задней луке.

Тем временем Мацей вытянул прикрепленный к шнуру продолговатый футляр.

– Что за хрень?

– Не твоего ума дело! – не допускающим возражения тоном отрубил урядник. – Сюда давай!

Порубежник сдернул с шеи мертвого угорца шнур и протянул командиру. Тот пару мгновений осматривал странное приспособление, потом подцепил желтым ногтем едва приметный выступ в торце футляра. Маленькая плоская крышечка соскочила, открыв пустоту внутри. Вернее, не совсем пустоту. В футляре лежал скрученный в трубочку листок пергамента.

– Что вылупились? – Гавель обвел взглядом порубежников. – Делать нечего?

– Да мы чо? Мы ничо... – за всех ответил Мацей.

– А коли «ничо», еще пошустри. Глядишь, и серебра горсточка сыщется. Помешает она тебе? А? – Урядник хитро прищурился.

– Никак нет! – Мацей даже головой замотал. Развернулся на каблуках и принялся обшаривать гонца с удвоенной тщательностью.

Остальные порубежники преувеличенно деловито начали осматривать оружие, сбрую коней, расправлять складки на жупанах.

– То-то же! – Гавель кивнул удовлетворенно и развернул листок. Хмыкнул. Закусил ус.

Недоумение, ясно прорисовавшееся на лице урядника, не укрылось от глаз молодого, но широкоплечего, осанистого, да и одетого побогаче, нежели иные, порубежника. С легкой улыбкой – не насмешливой, упаси Господь, а мечтательной, будто только что выпил-закусил приятственно – он наблюдал, как Гавель покрутил пергамент и так, и эдак, оглядывая спереди и сзади, потом подтолкнул коня поближе к командирскому и негромко кашлянул.

– Хведул? – поднял глаза урядник. – А ну ходь суды. Ты ж у нас грамоте разумеешь. Так?

– Верно, разумею, – не стал отнекиваться Хведул, подводя каракового жеребца к злобно косящемуся и скалящему зубы буланому под урядником.

– Тады давай, читай. Только не громко. Может статься – коронное дело! – Гавель многозначительно поднял вверх палец.

Грамотей принял из рук урядника пергаментный листок. Расправил его, прищурился, скривился.

– Что такое? – насупился Гавель.

– Не разберу. Не по-нашему писано.

– Да ну?

– Ну... – замялся Хведул. – Буквицы вроде как лужичанские, а слова не наши. Бред сивого мерины выходит какой-то.

– Во как!

– Да и буквицы... Соврал я, урядник. И буквицы не совсем наши. Видал, вон у «ерицы» хвостик какой закорюкой...

– Да начхать мне на хвосты с закорюками! – отрубил урядник. – Меня три попа грамоте учили да не выучили. И тебе слабо. Грамотей! Что ж ты трындишь на каждом углу, что читать-писать обучен? А сам! Вот все сотнику обскажу!

– К пану Лехославу, коли хочешь, вместе пойдем... – Хведул так сцепил зубы, что желваки под тонкой кожей взбугрились, но говорил он спокойно, без показного гнева: – Я, хоть и писарчук сотенный, а в разъезд не для того напросился, чтоб меня урядник сиволапый бесчестил. Ясно тебе, Гавель?

Гавель оскалился, выпуская кончик уса изо рта:

– Пока ты в моем десятке, я над тобой старший. Помнишь, поди? Ты мне перечить не моги! А то по закону военного времени и на березку недолго.

– Кишка тонка у тебя! Ишь ты, «на березку»! Думаешь, твои люди тебя перед паном Лехославом выгораживать будут? Дудки! Не обломится. А чин мой не ниже твоего, а выше будет. И умишком, похоже, Господь тебя обделил, а не меня...

– Что? Да я!..

– Не перебивай, урядник, а то в рядовые вылетишь! – Хведул сузил глаза. – Не уразумел еще?

Гавель замолк, затравленно озираясь по сторонам: не были ли его подчиненные свидетелем взбучки и позора? Порубежники, включая и вернувшихся с пойманным угорским скакуном, старательно рассматривали верхушки деревьев или, напротив, палую, яркую, пока еще без гнили, листву. Кроме извечного неудачника Автюха, который не преминул встретиться глазами с командиром. Встретился, увидел расширяющиеся от ярости зрачки и поспешил отвернуться, сообразив, что вляпался окончательно – возить теперь навоз тачечкой, не перевозить, до самого Дня рождения Господа.

– Слушай меня, Гавель, слушай! – Писарчук наклонился в седле поближе к уху урядника. – Угорец – раз. Угорцы пушай в Угорье живут, в Жулнах своих. Удрать хотел – два. Подозрительно? А то! Письмо вез – три. Письмо либо не по-нашему писано, либо секретное. Слышал я про такие шутки. Буквицы смешиваются – коль не знаешь ключика, не прочтешь. Дело государственное. Сей же час надо к пану сотнику, да к чародею реестровому. Уж как пан сотник письмо разберет, не знаю, а Гудимир-волшебник – человек ученый. Да и пожил вдвое от нашего, а то и втрое – у них, чародеев, век долог. Поди, разберет?

– Разберет, думаю, – вовсе сник, соглашаясь, урядник.

– Вот и я про что. А ты – «серебришка нашарь»... Дай волю, так и заночуешь тут, труп обирая. В Жорнице надо, в Жорнице. И чем быстрее, тем лучше. Понял?

– Понял, не дурак, – снова кивнул Гавель и зычно скомандовал: – Справа по два! Мацей!

– Я!

– Труп на коня привяжешь и дуй за нами!

– Понял!

– И чтоб ниточки с него не замылил! Понял?

– Так точно...

– Не слышу!

– Так точно!!! – гаркнул Мацей во всю грудь.

– Ото ж, – кивнул урядник. – Остальные за мной, рысью марш!

Десяток с места пошел размашистой рысью. Вразнобой застучали копыта по сырой земле, заскрипели путлища да покрышки седел. Под набегавшим ветерком срывались желтые, оранжевые, красные, бурые листья с ясеней и тополей. Ветер дышал в лицо сырой прохладой осенней поры, давно перевалившей за середину. Скоро минует кастрычник, и противные, обложные дожди начнут превращаться в мокрый снег подзимника, а там недалеко первый заморозок, лед, хрусткой корочкой затянувший лужи и, наконец, снежок, который каждый год присыпает поля и нивы словно седины вихри старого рубака.

Не доброй выдалась нынешняя осень для жителей Прилужанского королевства, а в особенности уроженцев Малых Прилужан, дерзнувших заявить об отделении от Выговской короны, да для Хоровского воеводства, чей польный гетман пан Адашь Дэмбок, по прозвищу Скорняга, тоже против короля и Сената попер. Взял да и заявил во всеуслышание, что последняя элекция не честно прошла и с ее результатами он согласиться не может. Королю Юстыну присягать отказался, а напротив, снял порубежников с южной границы, где, как повелось издавна, они защищали пределы королевства от набегов кочевников из правобережья Стрыпы, да и перекинул их в помощь реестровым на север. Теперь обитатели сел и застянков, притулившихся на два поприща от прибрежных плавней, с ужасом ждали зимы, когда Стрыпа станет, покроется толстым, прочным льдом, без труда выдерживающим легконогих, пузатых степных лошадок. Вот тогда-то и хлынут на лужичанский берег чембулы злых, голодных, охочих до чужого добра кочевников. А защищать-то мирных жителей и некому. Порубежники дозором ходят, охраняя воеводство от своих же лужичан – терновцев, тесовцев, выговцев...

Роптал народ, роптали магнаты и князья, заседающие в городском совете Хорова. Кто-то боялся потерять доходы, кто-то – лишиться кметей, редкие отщепенцы просто с самых первых дней поддерживали Юстына – народного короля. Однако Скорняга пока не поддавался ни на уговоры, ни на прямой нажим.

Выговчане пока что границ Хоровского воеводства не переступали. То ли и вправду надеялись, что толстосумы из совета переломят волю польного гетмана, то ли рассчитывали, что, убоявшись грабителей-кочевников, пан Адашь сам на брюхе приползет, попросит помощи и защиты.

А может быть, просто не до того было?

Слухи, доходившие до порубежников Жорнища, изобиловали всяческими историями о сражениях на севере королевства. Сперва все шло вроде бы легко и гладко для сторонников «Золотого пардуса». Князь Януш Уховецкий отказался от предложенной ему короны Малых Прилужан. Сказал: не хочу, мол, видеть, как лужичане лужичан резать будут. И все было бы ничего, освободилась бы дорога на Крыков и далее на сам Уховецк, шляхта пошумела бы по маеткам и застянкам, да и успокоилась бы, реестровые порвали бы глотки по шинкам, а после присягнули бы новому королю, когда бы пан Твожимир Зурав, новый великий гетман Великих Прилужан взамен преставившегося пана Жигомонта Скулы, не совершил ошибку,

попытавшись силой утвердиться в Малых Прилужанах, показать, кто есть хозяин в Прилужанском королевстве.

Крыковские гусары взбунтовались при попытке их разоружить. Посекли Тесовскую хоругвь реестровых, верную Юстыну, попытались прорваться на запад к маленькому, но хорошо укрепленному городку Жеребки. Их окружили двумя полками. Гусары встали насмерть. Великий гетман приказал перебрасывать из Кричевичей еще две хоругви гусар, а от Бродков – арбалетчиков. И быть бы крыковцам истребленными до единого, но в спину коронным гусарам ударили малолужичане. Судя по бунчукам, берестянские реестровые, числом не менее полка, и две сотни порубежников от Зубова Моста. Потери великолужичан составили до двух сотен ранеными и убитыми.

Прорвавшиеся отошли к Уховецку, обрастая с каждым днем новыми и новыми повстанцами. Во главе сопротивления встал бывший берестянский полковник, избранный в конце лета польным гетманом Малых Прилужан, пан Симон Вочап.

Король Юстын, узнав об этих событиях, крайне рассердился. Запустил чернильницей в старинный гобелен, бесчестил пана Твожимира ослом, дятлом и прочими обидными для всякого шляхтича прозвищами. После отправил нескольких гонцов с приказом остановить междоусобицу.

Но...

Или гонцы не добрались до пана великого гетмана, или помогли им затеряться среди грабняков и дубрав южных земель Малых Прилужан. А может, кому-то не выгодно и не угодно оказалось выслушивать королевскую волю? Ведь одно дело рвать глотку на главной площади Выгова, ратуя за скорейшее избрание выдвиженца от родной партии «Золотого пардуса», пана доброго и незлобливового, да еще пострадавшего от старой власти, а совсем другое – подчиняться ему беспрекословно. Не позднее, чем через месяц после элекции, начался разброд и разлад среди «желтых кошкодралов», как презрительно именовали малолужичане своих политических противников. Кому-то не понравилась мягкость короля Юстына, а кому-то, напротив, его твердость...

Как бы то ни было, а вместо мирных переговоров с проигравшей партией «Белого Орла» вышла война. Как сказал один шпильман:

Значит нужно идти вперед,
Принимая мир, как он есть.
Мы – народ и они – народ.
Стынет в пальцах стальной эфес.

Братоубийство было уже не остановить. Не король шел на короля, не гетман на гетмана. Полковник бросал полк против другого такого же полковника, но малолужичанина, а ему отвечал наместник северных гусар, обрушивая закованные в броню крылатые сотни на незащищенные фланги великолужичанских драгун. Простые шляхтичи, не из реестровых, собирались в вольные ватаги и откровенно разбойные хэвры и носились по трактам и перелескам обеих частей королевства. Особо прославился некий пан Цециль Вожик, сумевший со своим отрядом – не более сорока сабель – нагнать страху и обратить в бегство сотню великолужичанских гусар.

К пану Симону Вочапу вскоре присоединились ясновельможные паны полковники Далибор Гжись, Свизь Торба, Тэраш Бугай, Верчеслав Кавадло по кличке Пестряк. Нападковский полковник Гелесь Валошек погиб в стычке с арбалетчиками – шальной белът нашел прореху меж пластин кирасы. Командир Уховецких гусар пан Барыс Коло был захвачен в плен, закован в железо и отправлен в Выгов. Ни о великом гетмане Автухе Хмаре, ни о самом князе Януше, несостоявшемся короле Малых Прилужан, ни о его ближайшем сподвижнике

и советнике пане Тажасе Черногузке никто не слыхал. Пропали, как сквозь землю провалились. Исчез также и Богумил Годзелка, бывший митрополит Выговский, патриарх Великих и Малых Прилужан.

Еще ходили стойкие слухи об исчезновении всей казны покойного короля Витенежа. В один прекрасный (или ужасный?) день, а может быть, и ночь, все золото королевства исчезло из дворца, да, по всей видимости, и из столицы тоже. Произошло это через день-два – вряд ли позднее – после судьбоносного заседания Посольской избы и выборов князя Юстына Терновского королем. Нашли мертвыми четырех карузликов, мастеров по работе с камнем, и доверенного слугу пана Зджислава Куфара по имени Пятрок. Это дало повод новому подскарбию, князю Зьмитроку Грозинецкому заключить под стражу пана Куфара. Польный гетман Малых Прилужан пан Чеслав, князь Купищанский, к тому времени переселился в горный мир – убился, попав виском на камень, свалившись с лошади, а Богумил Годзелка скрылся – мало кто мог так незаметно спутать следы и исчезнуть из поля зрения охотников, как старый лис Богумил. Вскоре пан Зджислав покинул подземелья королевского замка. Ослепленный и повредившийся в уме. С той поры он тоже исчез из поля зрения досу-жих обывателей.

А казну искали. Много, долго, упорно. Но так и не нашли.

На этой почве существенно ухудшились взаимоотношения между Юстыном и Зьмитроком. Король едва ли не в открытую высказывал подозрения, что ежели, дескать, золото найдут люди князя Грозинецкого, то для Прилужан оно будет утрачено навсегда. Чем ответил щеголеватый и высокомерный Зьмитрок неизвестно. Но по Хоровскому воеводству кмети болтали о кавалькаде всадников в жупанах, отделанных серебряным галуном, верхом на буланных конях, проносящихся и по дорогам, и не разбирая дороги. Командовал ими кривобокий шляхтич с утонченно красивым лицом, но столь жестким прищуром черных глаз, что не только поселяне-простолюдины, но и шляхтичи с немалой свитой шарахались с пути отряда грозинчан...

Стены Жорнища – невысокие, без вала, но достаточно надежные для борьбы с кочевниками – торчали едва ли не в чистом поле, на излучине небольшой реки. Справа от ворот – слобода ремесленного люда, слева – выгон для всяческой скотины, пригоняемой на торг. Под защитой стен – дома людей побогаче: шляхты, купечества, мастеровых тонких ремесел. Там же располагались казарма и конюшня здешней сотни порубежников, дома пана сотника и реестрового чародея.

Гавель махнул плетью своим людям в направлении конюшен, а сам с Хведулом направился напрямик к двухэтажному особняку пана Лехослава Рчайки – тутошнего сотника.

Им повезло.

Пан Лехослав – невысокий, с круглой головой на толстой шее – вытер лоснящиеся щеки белым платком. Он только что расправился с жареным на вертеле каплуном и потому не обрушил на головы подчиненных обычный поток брани, а благодушно махнул рукой – рассказывайте, мол. Волшебник Гудимир, весьма кстати обедавший в гостях у пана сотника, заинтересованно закивал, затряс реденькой седой бородкой. Был реестровый чародей сухопар и высок – полная противоположность пану Рчайке.

Хведул в двух словах изложил происшествие с угорским гонцом и с почтительным поклоном передал и письмо, и футляр пану сотнику.

Пан Лехослав покрутил пергаментный листок в толстых пальцах и подал через стол Гудимиру.

– Свободны! – коротко бросил он уряднику и писарчуку.

Когда дверь захлопнулась, отхлебнул холодного кваса из толстостенной кружки, почесал живот через жупан темно-вишневого сукна.

– Ну, и чего там пишут?

– Сейчас, сейчас...

– Не по-нашенски карлюкают. Вот сволочи. Одно слово – басурманы. И в Господа не по-людски верят. И говорят, как корова мычит...

– Ой, только не надо, пан Лехослав, – проворчал чародей. – Угорцы одной веры с нами, да и бойцы каких поискать. Не всякому народу приходится веками с горными великанами сражаться.

– Во! – Сотник удивленно тряхнул чубом, смачно рыгнул, вытер губы рукавом. – Что это ты, Гудимир, угорцев защищать вздумал?

– Да так... – пожал плечами старик-волшебник. – Нет народа достойного или не достойного. Есть только люди – дрянные и не очень.

– Может быть, может быть... – не стал спорить Лехослав. – А по мне, так все эти грозинчане, угорцы, зейцльбержцы – сплошное быдло... уроды и козлы...

Гудимир хмыкнул, поморщился:

– Ладно, пан сотник, слушать будешь?

– Отчего бы и нет? Читай.

Чародей откашлялся, отодвинул листок подальше от глаз и начал читать, сразу же переводя с угорской речи на лужичанскую:

*Светлейшему королю, Настасэ Благословенному
от посланника в Выгове, боярина Рыгораша
земной поклон и пожелание долгих лет*

Прошу простить, мой государь, за долгое молчание и отсутствие вестей. На то найдутся у меня оправдания, ибо не по прихоти собственной пренебрегал отчетами перед моим королем, но о благе государства пекаясь, не щадя живота своего и верных слуг.

Отправляю сие письмо тайно с конным гонцом, поскольку великое подозрение имею, что коронная почта вся прочитывается тайной службой Великих Прилужан. В особенности теперь, когда князь Зьмитрок Грозинецкий утвердился подскарбием.

Грядут смутные времена, мой государь, и душа моя полна тревогой и скорбью. Смутой охвачено некогда сильнейшее королевство Прилужанское, восточный наш сосед, и великое опасение имею, что смута и война не удержатся в границах одной державы, а выплеснутся кровавыми брызгами и взвоятся подобно искрам из костра купальского, разжигая рознь по всем окрестным землям.

Будучи очевидцем событий, сопутствующих лужичанской элекции (явления изуродованного Юстына, смятения в Посольской избе и Сенате, едва удержавшейся на грани, за коей следует бунт, толпы с желтыми знаменами, лентами и шарфами), я не сомневался, что проигравшая партия «Белого Орла», возглавляемая в Выгове митрополитом Годзелкой и бывшим подскарбием Куфаром, не смирится с поражением и приложит все усилия, чтобы правление сторонников «Золотого Пардуса» легким и приятным не было. Мною была установлена слежка за домами Зджислава Куфара, Чеслава Купищанского и Богумила Годзелки, а также отдельно за черным ходом из королевского дворца и, особенно, за ординарцем пана Куфара – неким Пятроком. Короля Юстына избрали на шестой день месяца серпня. В ночь, последовавшую за седьмым днем, из королевского дворца на неприметную поляну за пределами крепостной стены Выгова доставили четыре сундука. Не очень больших, но на вид тяжелых. Сундуки эти были отправлены под охраной полуразбойного люда, прибывшего к Выгову из Уховецка, надо думать, чтоб в случае чего вмешаться в элекцию. Отправлены в разное время, так, что один отряд знать не знал и ведать не ведал о прочих, и в разные стороны. На Заливаницин, на Крыков, на Тарацу и на Тесов. За каждым из отрядом последовали мои люди. Спустя два дня был снаряжен последний отряд, последовавший на Батя-

тичи. После чего карузликов, занятых переноской сундуков, и Пятрока отравили. Скорее всего, соком наперстянки.

Разумно было предположить, что именно этот последний отряд везет украденную казну Прилужанского королевства. А пропажу казны подтвердили некоторые высказывания в Сенате короля Юстына, нового маршалка Адолика Шэраня и Зьмитрока Грозинецкого. Отправленный на Батятичи отряд возглавил прославленный в свое время порубежник пан Войцек Шпара, бывший некогда сотником в городке Богорадовка. Из-за пограничной стычки в минувшем стужне из сотников его убрали от греха подальше, дабы не осложнять государственные отношения с Грозином и Зейцльбергом. Мне удалось завербовать человека из числа подчиненных пана Войцека. Некий пан Гредзик Цвик из-под Подрожся. Он подтвердил, что малолужичане перевозят коронную казну в Искорост, где ее надлежит припрятать до лучших времен. Он же указывал путь двум десяткам рошиоров из моей личной сотни под командой мазыла Тоадера.

Зная, что мазыл Тоадер опытный и острожный воин, я поручил ему действовать по обстоятельствам, но обязательно выполнить главное задание – захватить казну. Ибо если Прилужанское королевство погрязнет в междоусобице, она не пойдет на пользу никому, а если Малые и Великие Прилужаны таки замирятся, то наживут новую – земли у них богатые.

Из отряда мазыла Тоадера не вернулся ни один боец.

Посланный мною следопыт донес о сражении у безымянного шинка, что стоит на Хоровском тракте в половине поприща от застынка Кудельки. Всех мертвых увезли и закопали хоровские порубежники из сотни пани Либушки Пячкур.

Так и не смог я, мой государь, обогатить наше королевство, которое столь сильно в средствах нуждается. За это готов понести самое суровое наказание, ежели будет на то воля моего государя.

*На том прощаюсь, смиренно склоняя голову,
твой покорнейший слуга,
боярин Рыгораш, посланник Угорья
в Прилужанском королевстве
месяца вресня двадцать седьмой день*

Гудимир замолчал. Пожевал губами. Сложил листок вдвое, потом вчетверо. Вздыхнул.

Пан Лехослав крякнул, почесал затылок:

– Во дает боярин Рыгораш!.. Славно расписал. Ни прибавить, ни убавить.

Чародей покачал головой:

– Донос, что ли, в Выгов на него отправить? Нет, сперва в Хоров, само собой...

– Ага! – ухмыльнулся сотник. – Ты забыл, что мы с выговчанами нынче тоже не в великой дружбе?

– Ох, и верно. Запомню. Стар становлюсь, – согласился Гудимир.

– Значит, казна говоришь? – Пан Лехослав вытащил платок, вытер шею. Потянулся за кубком. – Казна...

– Это не я говорю. Это боярин Рыгораш утверждает. Какое ему собачье дело до смуты лужичанской? Сидел бы в Угорье да с горными великанами воевал бы! – Сухонький кулак волшебника замер в пальце от стола. Ударить он не решился – не ровен час, и кость себе же перебить можно.

– Так вот отчего грозинецкие драгуны под Жорнищем туды-сюды шастают... – продолжал рассуждать вслух пан Лехослав. – Это они золотишко стерегут, что на Искорост малолужичане гонят.

– Нет, обидно-то за державу как! – не переставал возмущаться Гудимир. – Какие-то угорцы нашей казной распоряжаются как хотят...

– Да ты ж, никак, совсем недавно защищал их? – хитро прищурился пан Рчайка. – Угорцев, грозинчан, зейцльбержцев всяких там.

– Ну, защищал... – вздохнул чародей.

– А теперь что?

– А теперь не защищаю! – едва не сорвавшись на фальцет воскликнул волшебник. – Казна и Прилужанам сгодится!

– Верно, сгодится, – согласился пан Лехослав и добавил: – А дорога-то на Искорост мимо нас идет. И оттуда тоже.

Гудимир задумался на мгновение, дернул себя за бороду и аж подпрыгнул на лавке:

– Верно, верно говоришь, пан Лехослав. За дорогой приглядеть надобно. Если мы казну найдем, великую честь и славу добудем!

– Само собой, – кивнул сотник, а про себя добавил: «Не славой единой человек живет. А вот обогатимся, если казной завладеем, преизрядно».

И уже вслух сказал:

– Надо будет приказ отдать дозорам бдительность удвоить. Всех подозрительных – под стражу.

Словно в ответ на его слова хлопнул под порывом ветра ставень. Где-то неподалеку протяжно заржал конь. Добрый знак.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗАРЕВО НАД СТРЫПОЙ

Глава первая,

**из которой читатель узнает много интересного
о четырех путниках, прибывших дождливым
днем в Жорнице, знакомится с давними врагами
пана Войцека Шпары, а также присутствует
в выговском особняке Грозинецкого князя,
где хозяин беседует с некой прекрасной
пани о судьбе Прилужанского королевства.**

К концу кастрычника разрыдалось над прилужанской землей небо. Листья осыпались, устилая землю под деревьями пестрым ковром. Заалели кисти рябин, сизоватой чернотой налились ягоды терновника. Набрякла сыростью кора на деревьях.

Желто-рыжая глина трактов и дорог напиталась влагой и блестела, как свежее коровье масло, липла к сапогам и копытам, вцеплялась в колеса телег.

По таким дорогам ездить сущая мука. Да еще когда сверху сыплет мелкий противный дождик. Снизу сырость, а сверху – мокреть. Люди простужаются, у лошадей копыта расслаиваться начинают, болячки всякие лезут...

С такими вот невеселыми мыслями подъезжали четверо путников к воротам укрепленного городка Жорница – крайней западной крепостицы Хоровского воеводства. По усталым лицам людей и понуро опущенным конским шеям было понятно, что проделали они немалый путь.

Впереди, на вороном коне со звездочкой во лбу, ехал высокий, широкоплечий шляхтич. На вид годов не больше сорока, но, похоже, за тридцать. Худое лицо с впалыми щеками, черные усы ниже подбородка. На левой щеке шрам от виска до уголка рта. Неровный, корявый шрам. Не от сабли такие остаются, а от оружия, вроде шипастого кистеня или моргенштерна. На голове волчья шапка со сломанным петушиным пером, на плечах черный жупан с криво залатанным левым рукавом и синий кунтуш. У седла отмеченного шрамом шляхтича висел кончар – таким пользуются гусары и порубежники северных, малолужичанских земель, которым приходится сталкиваться с тяжеловооруженными рыцарями Зейцльберга, – на перевязи сабля.

Рядом со шрамолицым ехал парень – годков двадцать или двадцать два – в темно-коричневой, отделанной бобровым – вытертым, выцветшим, а все ж бобровым – мехом, тарататке. Светлые волосы выбились из-под шапки. Борода и усы короткие, мягкие и курчавятся. Лицо доброе и немного растерянное, словно у мальчика, который в первый раз в жизни на ярмарку попал. Тем не менее, на перевязи у паренька тоже висела сабля, а у задней луки виднелась рукоять арбалета.

Следом за ними ехала вторая пара путешественников.

Справа – громаднейший мужик. Ростом, по меньшей мере, без ладони три аршина. Широкоплечий, руки толщиной как у обычного человека ноги. Бородища до ключиц, вместо жупана – домотканая рубаха, а поверх нее кептарь из овчины. Поперек седла огром-

ная – аршина два длиной, тяжеленная даже на вид дубина. Не всякому бойцу по силам с такой управиться. Зато, если кто под удар попадет, мало не покажется. Закованному в железо рыцарю ребра переломает, а легковооруженного всадника, вроде кочевника из-за Стрыпы, и вовсе вместе с конем унесет. С похожими дубинами – мочугами – лужичане в стародавние времена воевали против всяко-разных захватчиков и поработителей.

Слева от крепкого гнедого коня великана-кметя гарцевал, косил недобрым глазом и прижимал уши буланый тонконогий жеребец. На его хребте сидел невысокий шляхтич с простоватым лицом. Светло-русые усы и щетина на щеках. Нос кругленький, как молодое яблочко; брови густые, сдвинутые к переносице. Кунтуш четвертого всадника был когда-то алым, а теперь побурел, покрылся пятнами то ли от еды, то ли от пролитой крови. На ходу он украдкой потирал левую щеку, которая заметно опухла и уже начинала багроветь.

На длинном чембуре за седлом здоровяка шли две вьючные лошади – спереди мышастая, а гнедая чуть позади. Эта последняя заметно прихрамывала на левую заднюю.

– Ну... того-этого... дошла до Жорнища, – облегченно крикнул бородач. – Я думал, все... того-этого...

Курносый шляхтич кивнул, скривился и прижал ладонь к щеке.

– Болит, пан Юржик? – обернулся к нему едущий впереди парень.

– А то?

– Ну, ничего, в городе полечим...

– Н-н-найдем цирюльника, – заметно заикаясь, добавил черноусый.

– На что нам цирюльник, как у нас свой медикус? – сварливо отозвался пан Юржик Бутля. – Так нет же! Не хочет меня лечить! Всех лечит, а меня не хочет!

– Пан Войцек! – едва ли не со слезами в голосе воскликнул парень. – Ну, хоть ты объясни ему – не могу я без инструмента зубы лечить!

– Д-д-да что толку об-б-бьяснять? – через силу выговорил пан Войцек. Заикание нисколько не мешало ему командовать сотней порубежников в далеком северном городке Богорадовке. Служил бы он там и по сей день, если бы не случайная встреча с грозинчанами, когда порубежники стали свидетелями тайной встречи грозинецких драгун и зейцльбержских рыцарей. Сами едва не погибли, поскольку в живых оставлять их никто не собирався, но, благодарение Господу, отбились в неравной схватке. От чужих-то отбились, а от своих придворных интриганов не сумели. Чтобы избежать межгосударственной розни, пана Войцека Шпару от командования сотней отстранили. И вспомнили о лихом рубаке, жизнь готовом отдать за родные Малые Прилужаны, только перед элекцией. Отправили в Выгов с двумя десятками выпущенных из буцегарни преступников. Предполагалось, что они поддержат партию Белого Орла в случае беспорядков в городе. Да не удалось пану Войцеку с товарищами поучаствовать в городских потасовках. А может, оно и к лучшему? Слишком уж сильны были сторонники Золотого Пардуса в столице нынешним летом. Вместо этого пану Войцеку совсем другое дело поручили, но о том уже рассказано в другом месте.

– Ц-ц-цирюльника он боится, а тебя н-н-нет, – прибавил бывший богорадовский сотник, едва заметно усмехаясь в усы.

– Кто боится?! – с жаром воскликнул пан Юржик. – Да мы, Бутли из-под Семяцка, ничего и никого не боимся!

– О-ок-окромя цирюльников! – уже не скрываясь веселился пан Шпара.

– Ты... того-этого... не горюй, пан Юржик, – добавил могучий бородач Лекса, бывший шинкарь. К отряду пана Войцека он прибил после схватки с рошиорами мазыла Тоадера на подворье его же шинка. Говорил, с детства мечтал чужедальние края посмотреть, а все не удавалось. Теперь аж до Искороста сгонял и обратно возвращался. Чем не путешествие? Он почесал бороду. – Люди сказывают, мол, цирюльники сперва болящим горелки наливают. Чтоб не так больно было... того-этого...

Тут уж все покатились со смеху, включая и страждущего пана Бутлю. Собственно в буцегарню Берестянки он попал по причине неумного пьянства. Попал на торжище под Великодень, да и задержался. Пил сперва за свой счет, потом за счет друзей, потом начал продавать все, что нашлось под рукой. Пропил коня, седло с уздечкой, саблю, сапоги... Короче говоря, все, вплоть до исподней рубахи, и ту попытался заложить шинкарю, который от греха подальше и сдал его заглянувшим на огонек стражникам. Так и оказался пан Юржик вместе с остальными в охране злополучного сундука, который сам же и назвал окаянным грузом. Но, будучи человеком незлобивым и веселым, любил и сам потешаться над своей слабостью: над тягой к винопитию.

Последний, самый молодой из четверых, студизус-медикус Ендрек тоже попал в берестянский застенек едва ли не случайно. Возвращался он из Руттердахской академии, где отучился перед этим три года. Ехал в родной Выгов на отдых, родных повидать. И вот, проезжая Малые Прилужаны, парень имел неосторожность прочитать на площади Берестянки сатирический стишок-лимерик, в котором крепко припечатал местного владыку – князя Януша Уховецкого. А народ малолужичанский, издерганный к тому времени насмешками южных собратьев, шутки над собой и своими князьями понимать разучился. Так что стражники буквально спасли молодого стихотворца, вырвав его из рук решительно настроенной толпы и утащив в буцегарню.

– Не сердись, пан Юржик, – мягко улыбнулся Ендрек. – Коли хочешь, я сам тебя полечу. Мне только инструмент надобно найти. Зуб-то рвать надо...

– Уж прям так и рвать... – нахмурился пан Бутля. – Сразу рвать. Чуть что, так и рвать. Все вы, медикусы да знахари-лекари, одним миром мазаны.

– А как ты хотел? – удивился студизус.

– Я думал, ты меня полечишь, как тогда... Около Лексыного шинка.

– Да я, вроде как, обычно лечил. Я ж...

– Н-н-не важно, как ты лечил, важно, чего желал п-п-при этом.

– Да что я... – засмутился Ендрек. – Желал, чего обычно лекари больным желают...

– Ну да, – хохотнул Лекса. – Знаю я, чего лекаря желают. Чтоб серебра побольше выдохнуть... того-этого...

– Но ведь не всякие!

– Э! Погодите! – воскликнул пан Юржик. – Коли так, мне к цирюльнику нельзя – у нас денег-то не осталось почти.

– Н-ну, пару грошиков найдем, – усмехнулся пан Шпара. – Чего н-не сделаешь д-д-для хорошего человека.

– Так я не понял – мой зуб что, пару медяков стоит?

Лекса упал лицом в гриву коня и беззвучно захохотал. Да и пан Войцек не сумел сдерживать улыбку. А Ендрек поднял обе руки вверх:

– Все, уговорил, пан Юржик. Буду тебя лечить. Куда ж я денусь?

Двустворчатые ворота Жорница были открыты лишь наполовину. Для пешехода в самый раз. Всадник протиснется с трудом, а вот подвода не проедет.

Навстречу приедем, позевывая, вышел урядник хоровской порубежной охраны. Поигрывая пальцами на рукояти кривой сабли, спросил:

– Кто такие? Откуда будете?

Пан Войцек вдохнул, выдохнул, набрал побольше воздуха и напевно, чтоб не заикаться, ответил за всех:

– Пан Войцек герба Шпара, следую от Искороста на Уховецк. Со мной вельможный шляхтич, пан Юржик герба Бутля, ученый медикус Ендрек и Лекса – он мой денщик. – Именно так представлять Лексу они договорились заранее, чтобы не стараться чрезмерно, объясняя путешествие благородных шляхтичей в одной компании с простолудином.

– По каким таким делам в Искоросте были? – нахмурился порубежник.

– По своим, урядник, по своим, – свел брови пан Войцек. – Или я н-не шляхтич уже? –

Он выразительно поправил тяжелый кончар и саблю.

– Шляхтич, не шляхтич... Того мне не ведомо. Хотя, конечно, с виду – шляхтич.

– Так что за д-допрос, урядник?

– А положено, – уверенным тоном отвечал порубежник. – Приказ пана сотника. Время, понимаешь, пан Войцек, военное. Непокойное, скажу прямо, время.

Пан Шпара кивнул.

А что возразишь? Еще в переполненной шинке, где они заночевали перед последним днем пути на Жорнице, народ так и гомонил, расписывая события в Малых Прилужанах. Говорили, что Крыков в осаде. Под стенами одной из сильнейших крепостей северной части королевства скопилось до десятка хоругвей, но отсутствие осадных машин не давало великолужичанам существенных шансов на скорую победу. Велись боевые действия и по направлению Жеребки – Крапивня. Ходили слухи и о гусарских частях, брошенных паном Твожимиром Зуравом на Заливанщин. А через Лугу рванулись охочие до добычи отряды рыцарей-волков из Зейцльберга. Пан Войцек аж перекопился весь, когда услышал про то. Даже шрам на его щеке побелел, словно кистью с побелкой кто-то по лицу шляхтича мазал. Он тогда спрашивал насчет Богорадовки, Ракитного, Берестянки... Что там? Как дела обстоят? Но вразумительных ответов не добился. И вправду, откуда южанам знать подробности далеких северных войн? Ведь своя уже стоит на пороге мирных обиталищ и скалится в жутковатой ухмылке.

Поэтому бывший богорадовский сотник не стал возражать уряднику или спорить с ним. К чему? Шляхетская честь на поле боя отстаивается и преумножается, а не в таких вот перепалках. Тем паче, сзади уже подтянулись зеваки. Двое бородатых землепашцев в меховых кептарях на телеге, накрытой сверху от дождя толстыми рогожами. Видно, привезли в город зерно. Хоровская казна пока еще не обеднела настолько, чтобы перестать кормить своих порубежников и реестровых. За каждый гарнец зерна платили не скупясь. Позади повозки топтался одетый в лохмотья бродяга с лицом, перепачканным серыми потеками. А ему в спину едва не упиралась морда довольно справноного коня, чей всадник лихо заломил шапку на ухо. Должно быть, шляхтич из мелкопоместных, из тех, что бедные, но гонористые до ужаса.

– Я н-не шпион и не подсыл, – с нажимом произнес пан Войцек. – Я дальнего родича в Искоросте п-проведывал, когда вся заваруха с элекцией вышла. – Что говорить о себе и своем путешествии, они с паном Юржиком тоже придумали заранее. Ведь не станешь же на каждой заставе описывать их историю с фальшивой казной Прилужанской короны? Того и гляди, обвинят в пособничестве преступной власти и не посмотрят, что шляхтичи, – повесят на ближайшей осине. Причем, «желтые» найдут к чему прицепиться за связь с Богумилом Годзелкой и Зджиславом Куфаром, а «бело-голубые» точно так же могут жизни лишить за оговор славных мужей и государственных деятелей.

– Теперь вот не знаем, как домой возвращаться, – пришел пану Шпаре на выручку Юржик. – Сами-то мы с севера будем. Из Малых Прилужан. Я, к примеру сказать, из-под Семецка. Пан Войцек в Богорадовке некогда служил. Как нам теперь мимо Тесова да Выгова проезжать? А дальше, люди треплют, и вовсе война... Так, нет?

– Это точно, – закивал порубежник. – Худо, худо на севере. Лужичанин лужичанину в горло вцепился, а тут и гостей заезжих набежало видимо-невидимо. И зейцльбержцы, и грозинчане, и наши чародеи, которых еще при Доброгневе под зад коленом попросили.

– Так не томи в воротах, служивый. Видишь, как у меня щеку разнесло? Мне на сквозняке и в сырости торчать – нож острый. Или тебе мзду какую-нито надобно кинуть? – Пан Бутля взял быка за рога. А чего мешкать?

Жорничанин если и обиделся, виду не подал. Приосанился, одернул жупан:

– Мзды с проезжающих не берем. Однако подать заплатить придется. По два гроша с человека, по пять грошей с коня.

Пан Войцек выудил кошель из-за пазухи. Кинул на ладонь порубежника серебряный «королек».

– С-с-сдачи не надо.

Урядник с достоинством поклонился, шагнул в сторону.

Первым под свод надвратной башни въехал пан Шпара, следом за ним пан Бутля. Он слегка наклонился к порубежнику и поинтересовался невзначай:

– А где у вас тут шинок получше? Чтоб кормили повкуснее, а три шкуры за это не лупили.

Урядник пожал плечами:

– Да у нас, почтенный пан, их всего три. Один – «Свиная ножка» – прямо тут, за поворотом. Во-он из-за того дома, – он показал пальцем, – и увидишь. Один – у городской площади. Там сам пан сотник пиво пьет. «Сабля и стрела» называется. А третий... В третий лучше не ходи. Дрянной народ собирается.

– Ну, спасибо, – улынулся Юржик. Улыбка вышла кривоватой из-за опухшей щеки. – А из тех двоих который посоветуешь?

– Ну, вы паны богатые. Вам можно и в «Сабельку...» А я бы в «Свиную ножку» пошел. Ну, так нас Скорняга жалованием не балует.

– Спасибо, – Юржик кивнул и подтолкнул коня пятками, нагоняя успевшего далече отъехать пана Войцека.

Ендрек и Лекса порысили следом.

– В «Саблю и стрелу» не с нашей мощной, – донесся до студиозуса голос пана Бутли. – Придется в «Свиную ножку». Эх, едал я как-то свиные ножки, запеченные в углях. Помнится, в Уховецк попал на День Святого Жегожа...

– В «Н-ножку» так в «Н-н-ножку», – покладисто отозвался пан Войцек. Он, как услышал впервые о нападениях зейцльбержцев на пограничные области Малых Прилужан, так места себе не находил. Если бы не клятва найти и отомстить митрополиту и бывшему подскарбию, сделавших из богорадовского сотника живца – приманку для охотников до прилужанского золота, – он бы уже мчал на север, заботясь единственно о том, чтоб верный Ворон не пал прежде времени.

* * *

В глубоком яру, отлогие стены которого сплошь заросли шиповником и дикой малиной, горел костер. Над ним, облизываемый оранжевыми языками пламени, висел котел, в котором булькало и шевелилось ароматное варево: рубленая в мелкую крошку капуста и кусочки баранины. Все обильно сдобренное укропом, луком, чесноком и кусочками моркови. Любимая еда грозинчан.

Их оставалось одиннадцать.

В серпне из Выгова выехали полных два десятка во главе с ротмистром Владзиком Переступой – доверенным лицом самого подскарбия, князя Зьмитрока Грозинецкого.

Да еще чародей. Его голову в Выгове до последней элекции оценивали в двести «корольков». Не много, не мало, а небольшой отряд почтовых для войны собрать можно. С конями и провиантом. Мржек Сякера весьма худой славой в пограничных землях Прилужан прославился. А все потому, что в свое время не принял Контрамации, сбежал в Грозинецкое княжество. После Северной войны многие чародеи бросали маетки и фольварки, уходя в

добровольное (или не совсем) изгнание. Не захотели поступать на коронную службу, а иного пути им не оставили – или бросай занятия магией, или работай на корону и Прилужаны.

Мржек не просто ушел. Он ушел, успев переправить с собой немалую часть золота рода Сякера. На эти деньги неустанно снаряжал отряд за отрядом – на севере их называли хэврами – и мстил обидчикам, перебираясь раз за разом через Лугу.

Вернее, он так думал, что мстит обидчикам – гетманам, князьям да королям прилужанским. На самом-то деле их если и касались Мржековы хэвры, то лишь в виде донесений или отголосков далеких слухов. Доставалось вольным поселянам-землепашцам, мелкопоместным шляхтичам и кметям. Как обычно на войне и бывает. А Мржек вел войну отчаянную и беспощадную. Войну, на которой пленных не берут и парламентарями не обмениваются. Хутора, села, застенки сжигал до мелкого серого пепла. «На ухналь», как говорят закоренелые лошадики. Не щадил ни женщин, ни детей малых, ни домашнюю скотину с птицей.

Малолужичанских порубежников его набегии злили и задевали за живое. Пан Панкрац Дзюба, сотник Зубова Моста, на клинке поклялся извести кровожадного нарушителя границы. Несколько раз Мржекову хэвру обкладывали как волков на облаве. Железной петлей вооруженных реестровых драгун и порубежников сжимали, затягивали, и, казалось бы, все, крышка проклятому колдуну! Ан, нет! Уходил Мржек Сякера. Бросал своих наемников, не уступающих злобой и жестокостью горным великанам-людоедам, тревожащим рубежи Угорья, а сам ускользал. Кто его знает как? То ли глаза отводил – ведь он чародей и чародей опытный. По общему мнению, годов за восемьдесят ему уже перевалило, хотя выглядел сорокалетним от силы. Такой может и головы целому войску заморочить, а может и прожечь дорогу в строю врагов. А может, просто везло? Говорят про таких – в рубашке родился. Сколько раз били по Мржеку из арбалетов едва ли не в упор? Сколько раз отчаянные смельчаки из порубежников, не щадя собственной жизни, пытались его саблех достать? Не сосчитать. А ему хоть бы хны. Цел и невредим.

Шесть или семь шаек положил Мржек в правобережье, но зверствовать не прекращал. Его именем матери детей пугают и по сей день в Малых Прилужанах. Но, по всей видимости, сильно прижал ему хвост пан Дзюба. Переменил чародей место для переправ через Лугу. Севернее ушел, к Богорадовке, которую заново отстроили после Северной войны. Этот город охраняет место слияния Луги и Здвиза. Богорадовским порубежникам привычнее к тому времени были стычки с зейцльбержскими рыцарями. Но те, хоть и грабили от души, все же столько крови не проливали.

Но если Мржек думал, что у Богорадовки ему проще лютовать будет, то просчитался. Местный сотник, пан Войцек Шпара, спуску не давал никому. Уж очень не любил пан сотник, когда людей, под его защитой живущих, жгут в хлевах и лошадьми разрывают. Сев на хвост очередной хэвре Мржека, гнал он ее через реку и, быть может, нагнал бы, не повстречай отряд грозинецких драгун с ротмистром Переступой во главе. Грозинчане ждали встречи с зейцльбержцами, а потому при появлении малолужичан растерялись и кинулись в драку. Себе на погибель, собственно, и кинулись-то.

С той поры ротмистр Владзик Переступа из писаного красавца стал уродом кривобоким да горбатым. Кончар пана Шпары переломал ему правую ключицу, ребра, плечевой сустав, зацепил хребет. Пан Владзик выжил, но кости срослись криво. Это посеяло в душе ротмистра семена злобы, которые выросли побегими ненависти. Одно только упоминание имени Войцека Шпары доводило его до бешенства. Не зря князь Зьмитрок Грозинецкий именно его отправил в погоню за прилужанским золотом.

Теперь пан Владзик сидел, скрестив ноги на сложенном в несколько раз шерстяном одеяле. Левая рука задумчиво подкручивала черный тонкий ус. Перо павы на бобровой шапке намокло, жалко слиплось и обвисло. Рядом, под натянутым на ветвях шиповника пла-

щом, лежал Мржек. Казалось, его нимало не заботила вынужденная задержка под открытым небом, в холоде и сырости. Он задумчиво жевал кусочек сухаря.

Урядник Янек помешивал ложкой с длинным черенком благоухающее варево. Зачерпнул, попробовал. Удовлетворенно кивнул. Внезапно, услышав что-то за пределами лагеря, Янек вскинул голову. Насторожился.

– Что, Янку? – небрежно бросил пан Владзик.

– Да, кажись, Вьезлав вернулся.

– Чудесно, чудесно... Веди его сюда.

– Да сейчас погляжу, пан ротмистр. Франзик, иди за котлом пригляди!

Подбежавший драгун перехватил черенок ложки из пальцев урядника, а Янек отправился на шум.

Вернулся он с невысоким человеком, чье лицо покрывали потеки грязи, а через левое предплечье был переброшен плащ, состоявший из растрепанных лохмотьев и лоскутов. Нищий, да и все тут. И лишь выправка выдавала в нем военного.

Приблизившись к ротмистру, мнимый нищий отсалютовал, приложив ладонь ко лбу.

– Ну? Что? – поднял голову пан Переступа.

– Прибыли, – отчеканил Вьезлав. – Нынче они в Жорнице. Войцек Шпара, Юржик Бутля, Ендрек и здоровила по имени Лекса.

– Ага! – Пан Владзик звучно хлопнул в ладоши. – Попались, родимые! – Красивое лицо ротмистра исказила гримаса ненависти, превратившая его в отталкивающую маску.

Мржек резко сел. Пожал плечами.

– Ты будешь Жорнице штурмовать?

Владзик задумался на мгновение:

– Нет. Там сотня порубежников по меньшей мере. Если тайно проникнуть... Как в Искоросте!

– Не выйдет, – сурово произнес чародей. – Жорнице – городок маленький. Каждый человек на виду. Грозинчан ли им не опознать?

– Проклятье! – Кулак пана Владзика стукнул по коленке. – Что ж теперь, ждать, пока не выедут? – Его глаза блеснули полубезумным блеском.

– Нет, почему же... – задумчиво протянул Мржек. – Покончить со Шпарой – это хорошо. А заодно покончить с сотней порубежников лужичанских – вдвойне приятно.

– Что ты предлагаешь?

– Сущий пустяк. Сравнять Жорнице с землей.

– Как?! – вскинул брови Переступа. – С десятком драгун? Или ты чародейством...

– Волшебством поддержу. Но слишком на него не надейся. Там наверняка реестровый чародей засел. Скорее всего, мне с ним сразиться придется.

– Так как же...

– А очень просто. Помнишь, пан Владзик, второго дня мы следы видали?

– Гаутов, что ли?

– Нет, аранков. Тут аранки поблизости кочуют. Гауты, они ближе к Хорову.

– Да ладно! Аранки, гауты! Какая разница?

– И правда, никакой. В особенности для тех целей, в каких я намерен их использовать. Пан Владзик прищурился:

– Придумать для чего – не сложно. Сложно найти путь – как это сделать.

– А это уж моя забота, – небрежно отмахнулся чародей. – Дашь четверых в охрану, чтоб раньше времени на стрелу не напороться?

– Отчего ж не дать – одно дело делаем... – Переступа подкрутил ус. – Обещаешь, что мои драгуны вернутся живыми?

Мржек хмыкнул. Потер бороду. Пожал плечами.

– Ладно. Обещаю.

– Бери.

– Ну, спасибо, пан ротмистр.

– Не за что, пан чародей.

Волшебник поднялся на ноги, потянулся, хрустнув спиной.

Пан Переступа негромко позвал:

– Янку!

– Здесь, пан ротмистр.

– Берешь троих и скачешь вместе с паном Сякерой.

– Слушаюсь!

– Давай, Янку, давай... – Пан Владзик устало откинулся на покрытое меховой накидкой седло.

– Вопрос дозвольте, пан ротмистр, – помедлил урядник.

– Ну?

– Когда выходим?

– Не знаю. Это к нему, – Переступа небрежно дернул пальцем в сторону Мржека.

– А вот прямо сейчас и выступаем. – Чародей сжал зубы, в его темных глазах промелькнул отблеск гнева. – Седлай коней, урядник.

– Слушаюсь!

Янек развернулся на каблуках и направился к лошадям.

Вскоре пятеро всадников, сопровождаемые пристальным взглядом драгунского ротмистра, поднялись по восточному, отлогому склону яра и, двигаясь легкой рысью, скрылись за пеленой мелкого, противного дождя.

* * *

В потемневшем от времени, покрывшемся благородной зеленью канделябре горели три свечи белого воска. Дорогого, не дающего копоти и наполняющего комнату тонким ароматом.

Подрагивающие язычки огня отражались в круглом зеркале из полированного серебра, удваивались, бросали отблеск на роскошные гобелены, украшающие стены, вышитые золотом портьеры, мерцали в глубине натертого воском дерева. Лишь во тьму алькова не проникал рассеянный, мягкий свет. Там угадывались очертания кровати с пышной периной, наверняка из лебяжьего пуха, парчовым балдахином и ворохом драгоценных шкур. Тут были и черно-бурые лисы из Заречья, соболя и куницы из руттердахских лесов, рыси из угорских верховин.

Но все великолепие обстановки – султанатские ковры и прилужанские гобелены, заморские ткани и местная пушнина, зейцльбержское серебро и руттердахское стекло – лишь оттеняло красоту хозяйки будуара, сидевшей на низкой банкетке перед зеркалом. Роговой гребень (с виду простой и безыскусный, но для глаза подлинного ценителя обладавший баснословной стоимостью из-за своего далекого, почти загадочного происхождения – где ж это видано, чтоб черепахи плавали?) скользил по распущенным, черным, как вороново крыло, волосам, водопад которых струился до пола. Красавица-панянка о чем-то задумалась и расчесывала одну прядь вот уже в десятый раз...

За дверью раздалось деликатное покашливание.

– Что еще? – совсем не любезно воскликнула пани.

Невидимый гость кашлянул еще раз. Поскребся в дверь ногтем.

– Да кого там чума несет? Ну, входи уже!

Седой как лунь слуга в расшитом галуном лазоревом жупане переступил порог. Сделал два шага, не поднимая взора от устилавших пол ковров.

– А! Это ты, Алоиз! – Пани усмехнулась полными губами, отчего две родинки в правом углу ее рта шевельнулись, словно глазки ручного горноста. – С чем пожаловал?

Старик расправил закрученный в два кольца ус, все так же старательно отводя глаза от тонкого пеньюара, и проговорил:

– Его милость, князь Зьмитрок, велел тебя разбудить, пани Хележка. Но раз уж...

– Ах, разбудить! – Женщина нахмурилась на мгновение. – Хорошего же обо мне мнения его милость, князь Грозинецкий! Передай князю – я к столичной жизни не привыкла, за полдень не просыпаюсь! У нас в маетках с петухами встают!..

– Вот сама, вельможная пани, ему это и скажешь, – вдруг окрысился мажордом. – Потому как сейчас его милость сюда придет.

Алоиз вскинул подбородок, выдавая этим движением в себе одного из тех слуг, что, проживая долгие годы бок о бок с благородным сословием, набираются шляхетских манер и гонору под самую завязку. Но потом, устыдившись вдруг невольного порыва, смущенно передернул плечами и поклонился, прижимая ладонь к сердцу:

– Прошу покорнейше простить меня, вельможная пани. Виноват. Виноват... – Он сделал три шага, пятясь задом к двери, и скрылся за портьерой, успев напоследок буркнуть едва слышно: – Хоть бы прикрылась, что ли, бесстыжая...

Несмотря на старания мажордома и скрадывающую звуки тяжелую ткань, колыхавшуюся перед его лицом, слова эти достигли слуха пани Хележки Скивицы, гостьи прилужанского подскарбия, князя Зьмитрока Грозинецкого. Достигли, но действия не возымели. Напротив, пани расправила складки полупрозрачного пеньюара, одернула его, открывая полные плечи. Пани Скивица выглядела значительно моложе своих тридцати трех лет и могла запросто задурить голову любому юному шляхтичу, едва заступившему на коронную службу, вырвавшись из-под родительского крыла. Лишь несколько складок в самом низу шеи, у ключиц, могли намекнуть искушенному наблюдателю на годы прекрасной пани, но обычно она их скрывала под кружевным рюшем или меховой горжеткой.

Еще один взгляд, брошенный в зеркало, взмах драгоценного гребня, придавший волосам изящный беспорядок. В качестве последнего штриха пани слегка покусала себе губы для придания более яркого цвета и кивнула удовлетворенно собственному отражению.

Зьмитрок Грозинецкий вошел по обыкновению стремительным шагом. Несмотря на ранний час, костюм подскарбия был безупречен – богато украшенный жупан, узорчатые сапожки с острыми носками, на груди золотая цепь, на пальцах перстни, тонкие черные усы закручены и глядят вверх. Владыка Грозина и Мезина не отличался богатырским телосложением. Узкие плечи, тонкая талия, изящные кисти. На первый взгляд, да и на второй пожалуй тоже, не боец.

Это заблуждение стоило жизни многим забиякам, ибо Зьмитрок владел саблей почти безупречно. Во всяком случае, в поединке один на один пока что равного противника не встречал. Правда, со времен последней дуэли минуло уже больше десятка лет – кто же осмелится вызывать на бой могущественного и богатого князя, вассала прилужанской короны?

Кроме любви к фехтованию, князь Зьмитрок увлекался верховой ездой, предпочитая самолично укрощать необъезженных скакунов, танцевал и с особым искусством плел политические интриги.

– Ваши милость! – Пани Хележка присела в глубоком реверансе, старательно приоткрывая глубокий вырез на груди пеньюара. – Польщена честью...

– Доброго утра тебе, пани, – усмехнулся Зьмитрок, не удостоивая вниманием округлые прелести шляхтянки. – Вижу, ты уже на ногах. Похвально. Кто рано встает, тому Господь помогает.

– У нас в захолустье еще говорят: «Поздняя птичка глазки протирает, а ранняя – носик прочищает».

– Это твоя-то Высьма – захолустье? – Зьмитрок пересек комнату. – Поприща не будет от Тесова? Ой, пани Хележка, пани Хележка... – Князь шутливо погрозил собеседнице пальцем. – Да ты присаживайся. В ногах правды нет.

– Благодарю за честь, твоя милость! – Пани Скивица грациозно присела на край банкетки, озаботившись тем, чтобы пеньюар и вовсе соскользнул с левого плеча.

Зьмитрок поискал глазами кресло или хотя бы еще одну банкетку, не нашел и одним прыжком вскочил на приземистый комод. Уселся, беспечно покачивая ногой.

– Честь в том невелика. У нас в Грозине не запомнили еще, как с прекрасными дамами говорить положено. – Он снова подкрутил ус. – А все ж таки прикройся. Ведь не первый год меня знаешь. Могла бы и уяснить, что не выйдет ничего из твоих стараний.

Пани Скивицы фыркнула, запахнула пеньюар и смерила князя Грозинецкого суровым взглядом:

– Серьезный разговор пойдет, не так ли, твоя милость? Иначе несчастной гостье не удостоится посещения радушного хозяина.

– Верно, – не стал возражать подскарбий. – Разговор пойдет серьезный.

– О делах коронных?

– И тут ты угадала, пани Хележка. Надеюсь, поможешь мне, как раньше помогала.

– Ты сперва скажи, что за дело?

– Ой, – усмехнулся Зьмитрок. – А если не по нраву тебе мое предложение придется, так ты откажешься?

– Хотелось бы... – сморщила носик пани.

– Хотеть не вредно, – отрезал князь. – А выполнять придется любую просьбу. Уж больно ты задолжала мне, пани Хележка.

Подскарбий сделал выразительную паузу. Он умел быть жестким, когда хотел. Тверже клинка сабли-зориславки. Очень многие люди, пытавшиеся перехитрить или облапошить Грозинецкого владыку, скоро в том убеждались. Правда, не многие оставались в живых.

Но и пани Скивица не считала себя новичком в интригах.

– А ты не задолжал мне, пан Зьмитрок? – почувствовав нажим, она мгновенно ответила уколom, как опытный фехтовальщик. – Чью просьбу я в серпне исполняла?

– Ты про Жигомонта, моя прекрасная пани? – поднял черную бровь князь. – Так все уже знают, весь Выгов и все Великие Прилужаны, что отравлен он по велению польного гетмана малолужичанского – Чеслава. Попробуй, убеди-ка народ в обратном.

Пани Хележка открыла было рот, чтоб возразить, но не нашла слов. Вернее, быстро перебрала в уме все доводы и поняла – Зьмитрок прав. Как ни крути, а повязана она по уши в прилужанском перевороте. И все от жадности. Не следовало играть на две руки. А коль уж ввязалась в игру, думать, с кем играешь. Ладно, малолужичане – воины, искушенные более в тактике и стратегии, нежели в придворных кознях (за исключением разве что Богумила Годзелки и Зджислава Куфара), но Зьмитрок-то лис прожженный. Письмо пана Чеслава Купищанского она – кто бы усомнился? – сожгла. Только полная дура могла бы оставить у себя записку с прямым предложением отравить великого гетмана Жигомонта Скулу. Да она и не собиралась выполнять приказ Чеслава. Деньги деньгами, а любовь к родине превыше всего. Будучи урожденной великолужичанкой – ведь Высьма и в самом деле всего в поприще от столицы Тесовского воеводства, – она вместе со всем народом любила великого гетмана. За решительный нрав, прямоту и лихость в суждениях, шляхетскую удаль, приверженность старинным вольностям. Думала: соглашусь для вида, а там удеру подальше – в Тарашу или в Беги – да пересижу гнев малолужичан. Тем более что уверенность в избрании Жигомонта королем витала в самом воздухе Выгова, как ароматный парок над котлом с борщом.

Но вот дернул Нечистый отправить донесение о замысле малолужичанского польного гетмана князю Зьмитроку!

Ведь могла же затаиться и не признаться?

Могла.

Несмотря на то, что Грозинецкий князь некогда помог ей выйти сухой из очень щекотливого дельца, в котором участвовал донос недоброжелателей лужичанским церковникам. Само собой разумеется, костров в Прилужанах не разжигали уже очень давно. Лет двести, не меньше. Но по такому случаю могли сделать и исключение.

Пани Хележка, вспомнив о доносе и мрачном, сыром застенке монастыря Святого Стежимира Великомученика, вновь ощутила мороз между лопаток. Подхватила небрежно брошенный в угол теплый пуховой платок, набросила на плечи, зябко поежившись... И заслужила одобрителный взгляд Зьмитрока, решившего, что она последовала его приказанию прикрыться.

Вот кто наверняка сохранил клочок пергамента с компрометирующими сведениями, так это Зьмитрок. Но там же не написано, что не прошло и полутора месяцев, как он сам предложил ей довести до конца задумку пана Чеслава. И попробуй откажись! Ведь своей же рукой написала признание, почти что смертный приговор, – так, мол, и так, предписано мне, пани Хележке Скивице, наследнице старинного, но обедневшего окончательно шляхетского рода, отравить пана великого гетмана Жигомонта Скулу, выбор яда и способа введения оного оставлен на мое усмотрение. И плевать, что обнародование в Сенате и перед церковниками сего пергамента было бы равносильно смерти для партии Белого Орла – лужичане воспитаны в страхе и почтении к заповедям Господа – тут уж и свои отвернутся, и чужие. Какое ей дело до Чеслава? Ну, подумаешь, тоже вытянул некогда из передраги, связанной с подложными векселями на имя очень богатого купца из Заливанщина. Что было, то прошло. Помог, и ладно. Она тоже отработала за дурацкую ошибку молодости от души, презирая порой законы и человеческие, и Господни. А теперь Чеслав и вовсе с крючка сорвался. Угораздило же польного гетмана, с десяти лет седла не покидающего, сверзиться с коня и приложиться головой о мостовую! Ей одной отвечать, что ли?

А поскольку в народе – шляхте, мещанах, ремесленниках, селянах – жила твердая уверенность, что и нынешнего кроля, Юстына, пытались отравить, то исход любого судебного разбирательства по обвинению в отравительстве вельмож лужичанских было можно предугадать во всех подробностях.

– Прошу простить меня, твоя милость, – голосом как можно более смиренным произнесла пани Скивица. – Я, конечно же, была не права. Какое новое задание изволит поручить прилужанский подскарбий своей покорной слуге?

Зьмитрок помахал ногой, безжалостно царапая шпорой полированное дерево. Деланно зевнул.

– За что тебя ценю, моя прекрасная пани, так это за сообразительность.

– Благодарю...

– После благодарить будешь. Если захочешь. А не захочешь, так Господь тебе судья. Задание на этот раз несложное и даже приятное предстоит.

– Так никого не нужно травить? – голос пани Хележки посветлел от тщательно скрываемой надежды.

– Что ты, что ты! И думать забудь. И вслух этих слов не произноси. Какая гадость! – Зьмитрок скривился. – Травить. Травить. Травить... – произнес он несколько раз, словно пробуя слово на вкус. – Тьфу ты, мерзость-то какая! Нет. Ни в коем случае. Нет. Твое задание будет приятным, легким и, возможно, очень даже выгодным.

– Кому?

– Приятным тебе, – прищурил глаза князь. – Выгодным, я надеюсь, нам обоим, если все удастся. Так что в твоих интересах, моя прекрасная пани, чтобы все получилось.

– Итак. Что мне нужно сделать?

– Вот это подход. Как говорят в Зейцльберге... Брать быка за рога. Так?

– Не знаю... – Пани Хележка дернула плечиком. – Не люблю зейцльбержцев.

– А кто просит их любить? – удивился Зьмитрок. – Я их сам терпеть не могу. Но приходится использовать и великого герцога Адаухта, и святош тамошних, и рыцарей-волков... Впрочем, я отвлекся. Слушай.

– Я вся – внимание.

– Королек-то наш Юстын, народный избранник, от рук отбиваться начал...

– Да?

– Не перебивай! – на миг голос князя звякнул сталью. – Забыл Юстын, кто его на престол возвел, забыл. Вернее, лизоблюды выговские сумели его убедить, что он единственный и неповторимый, законно избранный на честной и прозрачной элекции. Вот он и возомнил о себе невесть что. Вздумал указывать, что делать да как быть. Мне, пану Твожимуру Зураву, пану Адолику Шэраню... Нет, они, конечно, гуси еще те, но пока что мне нужны.

Зьмитрок замолчал, подкручивая ус. Пани Скивица терпеливо ждала, не понукая и не перебивая.

– Так вот, о Юстыне, – продолжил Грозинецкий владыка. – Представь себе, совсем недавно, третьего дня, он учинил нам разнос, даже голос осмелился повысить! Мне, панам подчашию, возному, каштеляну, маршалку... А за что терпели обиду? За Твожимира Зурава, который не намерен на переговоры с Янушем идти, не желает дело с Малыми Прилужанами миром улаживать. Правильно делает! Да любого купчика в Выгове спроси, он тебе объяснит. Нельзя с малолужичанами добром договариваться – разбойники все, полудурки тупые и безграмотные. Князья – бандиты сплошь, мещане с ремесленниками – быдло бессловесное! А он – «нельзя лить кровь лужичанскую»... Еще бы шпильмана приплел:

Кровь людская – не водица,
Проливать не годится...

А что с ним сделалось, когда я об отмене Контрамации заикнулся! Песья кровь! Думал, раздуется, как та жаба, и лопнет. Засычал, забулькал горлом! «Не бывать!» Забыл, песья кровь, как корону воздел, кто его под руки вел, кто советом наставлял...

Хележке показалось, что князь-подскарбий сейчас сорвется на визг. К счастью, только показалось. Зьмитрок удержал себя в руках. Замолчал, несколько раз вдохнул-выдохнул. Сказал уже почти спокойно:

– Ты должна будешь окрутить Анджигу Далоня. Слыхала о таком?

– Сын? – Хоть пани Скивица и не была вхожа ко дворам наиболее влиятельных князей, воевод и магнатов, слухами земля полнится.

– Да. Сынок единокровный. Он сейчас в полку Выговских гусар хорунжим служит. Вроде как служит, поскольку больше гуляет, пьет по шинкам да девок щупает. Счастье, что полковник в Выговской хоругви старательный и терпеливый. Другой не стерпел бы...

– И я должна окрутить этого гуляку и бабника?

– Окрутить, соблазнить, охомутать... – Зьмитрок улыбнулся. – Называй как хочешь. Лишь бы он за тобой на край света готов был пойти. Десять дней даю. И ночей тоже.

– Ну... – Пани Хележка задумалась, придавив нижнюю губу согнутым указательным пальцем. – При известном везении...

– Ты сможешь. Кто, если не ты? Подумай.

– Хорошо тебе говорить, твоя милость. Чуть что, раз-два и в Грозине. А Юстын все же наш король, лужичанин.

– Так я ж тебя не сожрать с потрохами его сына прошу. Приручить. Чтоб бегал за тобой, как ягненок за овцой. Прости за сравнение. Я тут один закон хочу через Сенат протащить. Пан Шэрань уже не против. И третья часть сенаторов тоже. Хочу... – князь Грозинецкий понизил голос. – Хочу корону наследной сделать.

– Как?! – Хележка ахнула и прижала ладонь к губам. – Это же...

– Да знаю-знаю, что петь противники будут. Извечные вольности, привилегии шляхетства, вековые традиции элекции... А у нас княжение от отца к сыну передается, и в Угорье, и в Заречье, и в Зейцльберге. Плохо это? Нет, хорошо. Смуты такой не бывает, как в минувшем серпне.

– Как сказать...

– Ну, случаи всякие бывают. Но подумай, коль во всех землях и государствах один обычай, а у вас в Прилужанах отличный, о чем это говорит?

Женщина молчала, потупив взор, чтобы, не приведи Господь, Зьмитрок не прочитал в ее глазах ненависть и отвращение.

– Молчание говорит о согласии. Юстын будет основатель династии Далоней. Пусть освятит королевской волей новый закон. Да новый патриарх, Винцесь Шваха, очень вовремя из Тернова прибыл. Не откажет пану Юстыну в такой малости, окропит святой водицей... Так ты берешься, моя прекрасная пани? Не расслышал я что-то.

– Берусь. Но последний раз, твоя милость. Анджиг тебе для скорого престолонаследия понадобился, поди?

– Не бойся, пани Хележка, Юстына травить не заставлю. Он и так не жилец. Видала, как обнесло? Ты мне Анджигу приручи. Приручи, и свободна. Денег дам, не скупясь. Я ж теперь подскарбий.

– Хорошо, – обреченно кивнула пани Скивица. – Я берусь за это задание. – И вдруг стрельнула быстрым взглядом из-под густых ресниц. – А что, казна Прилужанская уже нашлась?

Сказал и обмерла, уж больно посуровел князь Грозинецкий. Сжал челюсти, задеревенел плечами. Открыл было рот, чтобы рыкнуть на дерзкую, но передумал. Соскочил с комода и быстрым шагом вышел вон.

Хележка едва в ладоши не захлопала. Достала-таки подскарбия без казны. Зацепила самым кончиком клинка, если выражаться языком фехтовальщиков. Но зацепила славно. По самому больному месту.

«Хорошо, – подумала пани. – Анджигу я приручу. Будет ходить без поводка по струнке. А вот для тебя ли? Там поглядим».

Глава вторая,

из которой читатель узнает о том, что называться истинным именем и гербом, равно как и нарушать Контрамацию, бывает опасно для здоровья и личной свободы, а окаянный груз вновь и вновь завладевает умами людей, понуждая их совершать неблагоприятные поступки.

Вопреки многообещающему названию, в шинке «Свиная ножка» кормили из рук вон плохо. И, скорее всего, не по вине упитанного шинкаря и его дородной супруги, деловито управляющей со сковородками и горшками. Похоже, во всей Хоровщине к середине осени начался ощущаться недостаток съестных припасов. Особенно в городках и крепостях, где жили и служили реестровые конники и бойцы порубежной стражи. Увлеченные политической борьбой, правители воеводства как-то запаматовали, что их защитники еще и есть иногда хотят. А по селам и застям земледельцы припрятавали излишек зерна и овощей, опасались забивать скотину и птицу. Все ждали непредсказуемой, голодной, военной зимы, не говоря уж о последующей весне. Кто знает, хватит ли зерна на посев после набегов язычников из-за Стрыпы да после возможного вторжения коронного войска из верных Выгову воеводств?

Ендрек помимо воли вздохнул, вспомнив изобилие стола в Батятичах, в шинке «Грудастая Явдешка», обед в которой едва не стоил ему жизни. Где то сейчас пан Цециль Вожик? Выжил ли после ранения в живот? При всей скудости полученных за неполный курс обучения в Руттердахской академии знаний, молодой студиозус ведал, что раны в брюшину – самые опасные и трудноизлечимые.

Но Господь с ним, с паном Цецилем... О себе сейчас думать надобно.

Хозяин шинка, заслужив неодобрительный взгляд Лексы, смахнул со стола крошки, оставшиеся от предыдущих посетителей. Смахнул выдавшим виды, несвежим полотенцем, испещренным подозрительными желтыми разводами. Спросил, чего, мол, вельможные паны заказывать желают.

Поскольку пан Юржик, подкатив глаза, держался за щеку, лелея больной зуб, заказывать взялся пан Войцек. Начал он по-простому. Спросил шинкаря: а что в его заведении имеется? Вот тут-то и проявилась убогость кухни «Свиной ножки». Убогость, сравнимая разве что с монастырской трапезной во время поста перед Великоднем.

Вот таким образом и появился на столе перед путешественниками горшок с капустными щами, заправленными ложкой сметаны. Хвала Господу, хоть горячими – как раз с холода да с мокрети похлевать. А следом за щами прибыла глубокая миска с галушками, слепленными из серой муки. По отсутствию должного блеска на боках у галушек, Лекса сделал вывод, что с маслом шинкарь пожадничал. Довершили обед ржаной хлеб с плотной корочкой и водянистое, слегка кисловатое пиво. Впрочем, пиво здесь, на юге Великих Прилужан, всегда было таким. К этому путешественники малолужичане уже начали привыкать, хоть и с тоской вспоминали пиво северных краев – густое, крепкое, горьковатое.

Пан Войцек выложил на край стола требуемую оплату. Не такую уж и маленькую по меркам Малых Прилужан. Сотворил знамение, поминая Господа, посылающего хлеб насущный людям. Первым зачерпнул ложкой из горшка. Ели тут по-старинному, освященному

вековой традицией, обычаю – черпали по очереди, сообразуясь со старшинством. Кивнул пану Юржику – давай, мол, приступай. Но Бутля только головой замотал. Схватился за щеку и застыл со скорбным выражением на лице.

– Ну, не смотри ты так на меня, пан Юржик! – едва не взмолился Ендрек. – Пойдем искать цирюльника, пойдем...

– После обеда, – прибавил Лекса, запуская свою ложку в щи. Поднес к губам, принял подозрительно, но, видимо, не углядев тухлятины или отравы, отправил в рот.

Пан Юржик вздохнул и прикрыл глаза, всем видом выражая покорность судьбе, словно агнец, уготованный на заклание.

– Н-н-не пришлось бы силком волочь к зубодралу, – легонько усмехнулся пан Войцек.

– На что нам зубодрал, как у нас свой лекарь есть? Да какой! – немедленно ответил пан Бутля.

– Да какой там я лекарь? – попробовал вновь отбиться студиозус. – Я ж недоучка!

– Н-ну, прибежаться н-не надо, п-положим, – сказал пан Шпара, выразительно сжимая и разжимая пальцы левой руки. Месяц-полтора тому назад он не верил, что будет этой рукой пользоваться. Случайно поднятый с ночной лежки медведь раздробил кости предплечья на мелкие кусочки. Ни один костоправ не взялся бы собрать. Ендрек взялся, сложил, закрепил лубком и совершил чудо. Кости, сухожилия и лохмотья мышц срослись, вернулась подвижность кисти настолько, что пан Войцек мог, как и раньше, рубиться на саблях обеими руками с равным успехом.

– А я про что толкую?! – сразу воспользовался невольной поддержкой пан Бутля. – Если в парне талант прячется, то грех им не воспользоваться! Не по Господним законам это. Разве можно давать человеку, да не просто человеку, а шляхтичу в двенадцатом колене, так мучаться?

– Ну, не учили меня еще, пан Юржик, с зубами управляться, – не сдавался студиозус.

– Так тебя и ногтоеду резать не учили. Сам говорил. А Гредзику, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб проклятому предателю вечность в котле кипеть на малом огне, палец как разрезал? Любо-дорого поглядеть. Мастерски! А пану Войцеку руку лечил? А Хмыза штопал, прими Господь душу погибшего? Штопал, я тебя спрашиваю?

– Ну, штопал. Так то ж...

– Что «то ж»?

– Это ради спасения жизни было.

– А я, значит, пропадать должен?

Ендрек вздохнул.

– Нет, ты ответь мне. Я пропадать должен? Мало мы с тобой хлеб-соль делили?

– Пан Юржик, – со слезами в голосе взмолился студиозус. – Не трави душу. Я бы и рад помочь, но... – он понизил голос. – Даже если и получил я дар чародейский, то с ним тоже учиться надо. Уму-разуму набираться. Вот если бы нашелся опытный чародей да согласился бы меня натаскать...

– Ага, Мрыжек, – буркнул молча жующий до той поры Лекса.

– Почему сразу, Мржек? – вскинулся медикус.

– А он как огненным шаром по «Ласточке» пульнул... того-этого... ты сразу решил, что мастерства достанет ему противоборствовать.

Ендрек потупился:

– Так то ж в горячке. В бою. Так-то я понимаю – в подметки ему не гожусь.

– Ес-с-ли не хочешь Контрамацию нарушить, – веско заметил пан Войцек, – должен в Выгов ехать и в чародейский Институциум поступать.

– Да не хочется что-то. Они промурыжат лет восемь, а после в реестровые чародеи запишут куда-нибудь на кулички.

- А ч-ч-что, служба Отечеству тебя тяготит, студиозус? – нахмурился пан Шпара.
- Не тяготит. Только я лечить людей хочу, а не молниям и огненными стрелами по кочевникам или зейцльбержцам швыряться.
- А чародей... того-этого... лечить не может, что ли? – удивленно пробасил Лекса.
- Да лешак его знает... – пожал плечами Юржик, отвлекшийся за разговором от зубной хвори. – Может, не может? Чародеям интереснее, наверное, убивать, чем лечить... Слушай, Ендрек, а вдруг ты первым будешь? Лекарь-чародей. Отучись в Институциуме, потом поедешь в Академию свою. Там курс закончишь...
- Во-во. В самый раз к старости и закончу.
- М-м-маги дольше простых людей живут. Успеешь н-налечиться.
- А ты, пан Войцек, взаправду веришь, что меня после Институциума в Руттердах отпустят? Вместо службы-то коронной...
- Н-нет. Не верю, – вздохнул Войцек.
- То-то и оно.
- А х-х-хочешь в Б-богородавку со мной поедем? К Радовиту. О-о-он чародей молодой, но весьма толковый. Эх, как зейцльбержского колдунешку раз гонял! Тот через Лугу решил вплавь удирать...
- Удрал? – заинтересовался Юржик.
- Да г-г-где там! Грай из самострела снял. Только п-п-пузыри пошли.
- И что мы у этого Радовита делать будем? – осторожно поинтересовался Ендрек.
- Учиться, с-студиозус, учиться. Любой иной реестровый тебя сдать в Выгов обязан, ежели с-способности унюхает. Н-но Радовит свой. Я его п-п-попрошу, он тебя учить будет.
- И Контрамацию нарушить не побоится? – Ендрек даже по сторонам заозирался, произнеся крамольные слова.
- Н-не побоится. Он с-свой. Односум, что называется.
- Студиозус мечтательно вздохнул:
- Хорошо бы... Подучиться, а после и в Руттердах.
- Пан Юржик через силу улыбнулся:
- Славный ты паренек, Ендрек. В таких как ты будущее Прилужан. – Он помолчал и добавил: – Если оно будет, будущее это. Можем запросто не дожидаться. Если уж лужичане лужичанам глотки рвать стали...

За столом воцарилось тяжелое молчание. Стал слышен негромкий говор пристроившихся за соседним столом мастеровых. Они горько сетовали на безденежье: кроме коронных заказов, которые полагалось делать независимо от того, платят тебе или нет – а последние два месяца воеводство расплачивалось все больше обещаниями, – работы не находилось. Из-за неплотно прикрытой двери доносился визгливый женский голос. Вероятнее всего, шинкарь поругался с женой. Отчего? Не от того ли безденежья тоже?

Ендрек смотрел на лица спутников. Точнее сказать, друзей. Прав был пан Юржик: если съесть вместе столько хлеба и соли, чужим быть перестаешь. Военное братство крепче кровного. Односумы, одним словом, как говорят в Малых Прилужанах.

Пан Войцек сосредоточенно жевал. Седая прядь с левого виска, увеличившаяся со времени их знакомства в Берестянской буцегарне едва не вдвое, упала на бровь. Желваки ходили под обросшими сизой щетиной щеками, шевелили рваный шрам. Ендрек понимал, что мыслями пан сотник сейчас в родной Богородавке, где оставил дочку и старуху-няньку, заменившую ему с детства мать. Тревожные слухи доходили на юг. Тревожные и мало обнадеживающие.

Лекса подхватывал ложкой галушки не спеша. Каждую осматривал со всех сторон, словно ожидая подвоха от неряхи шинкаря, а потом отправлял в рот. Вспомнив, какую вкуснятину почти из ничего мог сотворить сам великан, студиозус только посочувствовал. Хотя

в глубине души шевельнулась непрошеным червячком насмешка. Мол, захотелось путешествий, приключений, походной жизни? Кушай, не обляпайся. Сам к нам прибился, за рукав никто не тянул. Ладно, мы люди подневольные. Кто-то сурового наказания избежал, вступив в отряд пана Шпары, а кто и вообще позорной смерти. Впрочем, смерть есть смерть. Ну, повесил бы пан Симон Вочап мародеров Даника и Самосю, а так – рошиоры зарубили. Что в лоб, что по лбу. Хотя, наверное, для военного человека смерть в бою все-таки почетнее.

Опухший, перекошенный на одну сторону пан Бутля не ел. Похлебал чуть-чуть юшки от щей и отложил ложку. Видно, зуб допек окончательно. Очень даже может быть. Хуже зубной боли только боль в простуженном ухе.

И Ендрек решил:

– Хорошо, пан Юржик. Пошли полечу.

– А? Правда? – не поверил своим ушам шляхтич. – А куда пойдем-то?

– Д-да хоть наверх, – сказал Шпара, который все слышал и все подмечал. – Сейчас у шинкаря п-попросим комнату.

– Наверх так наверх, – согласился Ендрек. – Только...

– Что «только»? – испугался Юржик.

– Я голыми руками лечить не умею. Клещи нужны. Горелки хоть полчарки.

– Горелки – это хорошо! – оживился пан Бутля. – Когда я от горелки отказывался? А клещи... Может, без клещей, а? Я слышал, зубы бечевкой дергают. Главное намотать покрепче...

– Нельзя без клещей, – отрезал медикус. – Передний зуб я бы тебе бечевкой еще выдернул. А у тебя ж задний?

Пан Юржик полез в рот коротким толстым пальцем. Поковырялся, кивнул:

– Задний. Третий сзади. Ох, и болит, зараза. Ненавижу...

– Д-добро, – подвел итог пан Войцек. – Идите наверх лечиться. Мы с Лексой еще посидим. Или помощь н-н-нужна? Подержать там?

– Обижает, пан Войцек! – возмутился Бутля. – Я тебе что, Гредзик какой? Мне деревяшку в руки дай, чтоб вцепился, когда боль припрет, и хватит. Вырывать не стану.

– В-вот и славно.

Подоспевший на зов шинкарь так и светился от радости, что нашел повод увильнуть от шумного разговора с женой. Вопрос о клещах озадачил его, но ненадолго. Лицо хозяина «Свиной ножки» озарилось пониманием. Он закивал, выбежал из общей залы и вскоре вернулся со здоровенными ковочными клещами. Торжественно водрузил их на стол. Смахнул рукавом приставшую соломенную труху:

– Во! Годятся?

Ендрек с сомнением оглядел грозное орудие. Потом перевел глаза на пана Юржика. А влезут ли клещи шляхтичу в рот? А если и влезут, таким чудовищем запросто можно челюсть своротить, или губы порвать, или... да мало ли что еще? Одно дело головки ухналей обкусывать или края копыт ровнять, а совсем другое живого человека лечить.

Пан Юржик, видать, сам о том же подумал. Побелел, вцепился в край стола:

– А может, лучше все-таки бечевкой?

– Ты это... Того-этого... не того... – пробормотал Лекса, слегка отодвигаясь вместе с лавкой.

– Н-н-ничего, – коротко бросил Войцек. – Влезут.

– Н-ну, вы и звери, – от волнения Юржик даже малость заикаться начал.

– Н-не дразнись, – немедленно откликнулся пан Шпара. – А то края зубов рашпилем п-подравняем.

Юржик затравленно огляделся по сторонам.

– Так, может, пойдем цирюльника поищем? – не преминул воспользоваться его слабостью Ендрек.

– Нет! – Пан Бутля хлопнул ладонью по столешнице. Видно было, что решился. Решился окончательно и бесповоротно. – Идем.

Сопровождаемые шинкарем, который прижимал к пухлому боку бутыл с горелкой, они поднялись вверх по скрипучей лестнице. Клещи Ендрек нес двумя руками, сам еще толком не осознавая, как же воспользуется ими.

Комната оказалась столь же неприглядной, как и все в «Свиной ножке». Пыль – даже на открытых местах (о том, что делается под кроватями, страшно было подумать), паутина по углам, в матрацах наверняка свили гнезда сотни клопов. Вдобавок через перекошенный ставень немилосердно сквозило. В общем, гостиница ничем не лучше и не хуже десятков и сотен своих близняшек, усыпавших прилужанские тракты.

Шинкарь плеснул горелки полную чарку, подставил ладонь под медный грош. Развернулся и ушел, оставив постояльцам тускло чадающую лучину.

– Ну что, пан Юржик, открывай рот. – Ендрек вытащил из своего мешка чистую, по сравнению с окружающим свинством конечно, тряпочку, обмакнул ее в горелку.

Пан Бутля судорожно сглотнул:

– Не переводи добро. Дай глотну лучше. Для храбрости.

– Глотнешь, пан Юржик. Непременно глотнешь! – Ендрек не кривил душой. Он свято верил однажды услышанному наставлению профессора Иеронимуса Мюнца, старого брюзги с вечно сизым носом и волосатыми ушами, что горелка убивает вредоносную заразу, вызывающую воспаление и гниль в ранах. С той поры он не раз убеждался в правоте ученого лекаря и старался при всяком удобном случае его словам следовать. – Только после, чтоб рану прижечь.

– После так после. – Пан Бутля перед лицом грядущего лечения стал покладистым до приторности. – А все же, как по мне... – Он не договорил, махнул рукой.

Тем временем Ендрек тщательно протер клещи, не уставая поражаться их размерам. Да, пану Юржику предстояло серьезное испытание. Неумелые зубодеры – а к умелым студизус не смог бы себя отнести, даже собрав воедино все отпущенное ему Господом самонимение: ведь он приступал к удалению зуба впервые в жизни, – случалось, ломали челюсти пациентам, выдирая вместе с корнями зуба осколки кости.

– Все. Помогите Господь! – Ендрек сотворил знамение, вознес короткую, но горячую молитву с просьбой наставить и укрепить. – Садись ближе к лучине, пан Юржик, и открывай рот.

– В руки дай чего-нибудь, – попросил больной.

– Чего ж я тебе дам? – пожал плечами медикус. – Ну, возьми хоть, вон, табуретку.

– Табуретку нельзя. Ты же ею по ребрам и получишь. А мне не резон лекаря калечить. – Несмотря на мертвенную бледность, чувство юмора не оставило шляхтича окончательно.

– Тогда не знаю. Ты рот давай открывай...

– Я, пожалуй, за спинку кровати ухвачусь, – придумал наконец пан Бутля. Взялся двумя руками за спинку ближайшей кровати и открыл рот пошире.

Ендрек сразу разглядел больной зуб. Почерневший, десна рядом опухла и покраснела. Да и на ощупь, наверняка, горячая. Только щупать смысла нет, и так понятно. Второй коренной. Хорошо что нижний, с верхним было бы еще тяжелее бороться.

Студизус вздохнул и сунул клещи пану Юржику в рот.

* * *

Странную компанию, заглянувшую в «Свиную ножку», пан Войцек заметил сразу же. Да и не кишел шинок посетителями, чтобы не обратить внимания на десяток вооруженных людей.

Впереди неторопливо вышагивал низкий круглолицый шляхтич с такой короткой и толстой шеей, что казалось – голова сидит прямо на плечах. Больше всего он походил на молодого бычка, так и норовящего подцепить на рог что-нибудь или кого-нибудь. На голове у шляхтича красовалась лохматая шапка серого меха – такие здесь, на юге, зовут кучмою – с тремя фазаньими полосатыми перьями. Поверх темно-вишневого жупана он набросил лазоревый кунтуш, новый и весьма опрятно выглядевший. Из-под полы кунтуша выглядывала посеребренная рукоять сабли. Тоже не дешевка, сотнями изготавливаемая в оружейнях по коронному заказу. Наверняка работа хорошего мастера.

Следом за ним вышагивал, как аист, разыскивающий на болоте лягушек, высокий и худющий старик, одетый в темно-коричневый мятель, полы которого едва не волочились по земле, и пелеус болотно-зеленого цвета. Редкая седая борода не скрывала синюшных, брезгливо сжатых губ.

Замыкали шествие восемь порубежников. В том, что это именно хоровские порубежники, у пана Войцека не возникло ни малейших сомнений. Такие кривые легкие сабли и короткие, сильно выгнутые луки он уже видел у отрядников пани Либушки Пячкур. От очеретинских порубежников местные, жорнищанские, отличались лишь более потрепанной одеждой и суровым выражением лиц. Чувствовалось, что жалованием их тут не балуют.

Шляхтич в кучме подошел к столу и учтиво поклонился пану Войцеку.

Старик, коротко кивнув, направился сразу по лестнице на верхний этаж. Двое стражников последовали за ним.

Пану Шпаре ничего не оставалось, как подняться с лавки и ответить поклоном на приветствие.

– Пан Войцек Шпара, если не ошибаюсь? – хрипло проговорил круглоголовый, поправляя рыжеватый ус.

– Ис-стинно так, пан... – запнулся Войцек, ибо имени нового знакомого не знал.

– Пан Лехослав Рчайка, сотник жорнищанский, – отвечал шляхтич. – Позволишь присесть, а, пан Войцек? – Впрочем, пан Лехослав уселся на место Ендрека, не ожидая соизволения.

Присел обратно и пан Шпара.

Оставшиеся порубежники заняли стол в самом темном угле шинка, а хозяин «Свиной ножки», начавший кланяться, едва завидел новых гостей, наконец-то остановился и бросился за пивом. Краем глаза пан Войцек заметил и намотал на ус, что за деньгами никто из порубежников не полез.

– Горелки! – крикнул пан Рчайка и прищелкнул пальцами. Похоже, привык, чтоб его приказания исполнялись мгновенно.

Шинкарь, оставив жбан с пивом на столе порубежников, метнулся стрелой, и не успел бы монашек прочитать «Господи, радуйся...», как перед Войцеком и Лехославом уже стояли пузатые глиняные чарки. Вырвав зубами затыкавшую горло бутылки кочерыжку, шинкарь сноровисто разлил горелку по чаркам.

– За братство северных и южных порубежников, да сгинут проклятые «кошкодралы», хоть желтые, хоть рыжие, хоть серо-буро-пошкарятые! – провозгласил жорнищанский сотник.

Пан Шпара хмыкнул, но чарку поднял, чокнулся с паном Лехославом и выпил. Скривился. Горелка в «Свиной ножке» шибала такой сивухой, что конь, вдохнув, околеет.

Пан Рчайка вновь щелкнул пальцами, и застывший с бутылкой в руках шинкарь немедленно повторил.

– Может, без слуг поговорим, Войцек Меченый, пан сотник богорадовский? – сощурился местный порубежник.

– Лекса – н-н-не слуга, – привычно ответил пан Войцек.

– Да ну?

– Н-ну да.

– А кто же, ежели не секрет, конечно?

– Боевой т-т-товарищ и односум, – твердо произнес Шпара.

– Вот как? – Пан Рчайка скептически приподнял бровь, словно намереваясь сказать: с каких это пор шляхтичи простолюдинов односумами кличут, но смолчал.

– К-как есть.

– Хорошо. Кто бы спорил, а я не буду. Щур, чарку односуму пана Войцека!

Шинкарь бросился к стойке, едва не опрокинув попавшуюся на пути лавку, вернулся и поставил чарку перед Лексой. Налил из бутылки.

– Теперь твое слово, пан сотник богорадовский! – Лехослав взялся толстыми пальцами за чарку.

– Я д-давно не со-отник. В Б-б-богорадовке нынче другой сотник, – ответил пан Войцек, но чарку поднял. – За мир и счастье всех П-прилужан, Великих и Малых.

Пан Лехослав скривился, будто услышал нечто оскорбительное для себя, однако выпил. Лекса сморщился, только поднес горелку ко рту. Конечно, с его выпивкой она ни в какое сравнение не шла. Хоть бы не поленился шинкарь Щур через угольки березовые пропустить – дух сивушный отобрать. Впрочем, что ему переживать? И такую выпьют. На окраинах Прилужан народ непритязательный живет. Лекса шумно выдохнул и тоже выпил.

– А за погибель желтых «кошкодралов» выпить не желаешь? – Лехослав закусил холодной галушкой и перевел вопросительный взгляд с пана Шпары на шинкаря. Тот поклонился в пояс и убежал. На сей раз, надо полагать, за закуской.

– Я кому погибели желаю, – медленно, растягивая слова, ответил пан Войцек, – того стараюсь повстречать и саблей либо кончаром приголубить. И кое-кто в Выгове моей стали еще отведают. А пьют горелку и орут по шинкам «На погибель!» пускай шпендики дешевые, которые и боя-то настоящего не видали ни разу.

Лехослав насупился:

– Я разумею, у вас там суровая жизнь на берегах Луги. Так и мы тут не девок по сеновалам тискаем. Сабельки заржаветь не успевают.

– Т-так я и не говорил, что хоровские порубежники хуже наших.

– А к чему тогда, пан Войцек, ты про шпендики заговорил?

– А п-потому как много таких по шинкам встречал.

– Ну и?..

– Да н-н-ничего.

Пан Лехослав задумался, опустил вниз голову, словно намеревался забодать собеседника. Молчал он долго. Водил пальцем по столу, собирая в горку хлебные крошки. Потом решительно придавил собранное ногтем и поднял взгляд на малолужичанина:

– Значит, смерти желтым «кошкодралам» ты не желаешь?

– Же-е-елаю, но не всем.

– Почему?

– П-потому... Есть среди них и хорошие люди, и честные воины. А дерьма и среди наших, б-б-бело-голубых, хватает.

– Во как! – Пан Рчайка полез пятерней под кучму. – Где-то я такие речи уже слышал. Ладненько! – Он махнул рукой. – Еще по одной?

Войцек пожал плечами:

– Н-не спеши, пан Лехослав. Д-д-давай начистоту. Ты ж не зря сюда пришел?

– Конечно, не зря. С богорадовским сотником познакомиться. Про тебя, пан Войцек, может, песни от Жорнища до Хомутца слагают.

– Ага, к-коломийки. Не верю, п-пан Лехослав. Не герой я. Да и ты н-не тот человек, чтобы любопытства ради, п-п-прибежал с неразбери-поймешь кем знакомиться.

– Откуда ты знаешь, пан Войцек? – развел руками жорнищанский сотник.

– В-вижу. Опять же, п-пан Лехослав. Ты знал, что я п-п-п-проезжать Жорнище буду. Ждал меня. Охрану н-н-на воротах предупредил. Так?

– Так, – угрюмо кивнул пан Рчайка.

– Зачем?

– Долгий разговор получается.

– А т-ты торопишься, п-пан Лехослав?

– Нет.

– Я т-тоже.

– Ладненько, – крикнул жорнищанский сотник. – Начистоту так начистоту. Понимаешь, пан Войцек... Ребятишки мои давеча угорского гонца изловили...

– Т-так.

– Угорец, молоденький такой, мальчишка еще, с коня падал когда, убился насмерть. А у него письмо нашли. Что хмуришься, пан Войцек? Думаешь, мародерствовали порубежники?

– Н-нет, не ду-умаю. Ежели бы у Б-богорадовки зейцльбержского гонца схватили, я бы тоже п-приказал обыскать его.

– Ладненько. Про угорца, считай, договорились. Теперь про письмо. Так вот, в письме том про тебя, пан Войцек, писано.

– Н-неужто? – углом рта усмехнулся пан Шпара.

– Могу показать. Если ты по-угорски читать можешь.

– А ты, в-вы-ыходит, можешь?

– Нет. Я не могу, – честно признался пан Рчайка. – Я вообще грамоту не люблю. Поповские и чародейские штучки – эта грамота. Учил, когда мальцом был... А нынче завсегда найду, кто мне вслух почитает. Так на кой ляд глаза насиловать?

– Ч-что-то в твоих словах есть, пан Лехослав, разумное. Я п-подумаю. Продолжай, будь так любезен.

– Письмо с угорского мой чародей переводил. Гудимир. Это чтоб ты знал. Писано оно было от имени боярина Рыгораша – уж не знаю, сам писал или диктовал писарчуку. Там все про смуту Прилужанскую сказано. И как Юстына королем ставили...

– Ох, боюсь н-не все, пан Лехослав. Ох, не все...

– Откуда знаешь? – опешил жорнищанин.

– Когда-нибудь потом, пан Лехослав. Когда подружмся и время найдем горелки попить.

– Да не такой дряни вонючей... того-этого... а моей милости прошу... – не выдержал Лекса и испуганно замолчал.

Пан Рчайка с любопытством посмотрел на него.

– Прощения прошу, панове, – забормотал великан. – Может мне... того-этого... пойти куда? Чтоб... того-этого... не мешать...

– Сиди уж, – отмахнулся пан Лехослав. – Куда пойдешь?

– Ну...

– Сиди, Л-лекса, – сказал пан Войцек. – У меня от т-тебя секретов нет. П-продолжай, пан Лехослав.

– Продолжать? Ладненько. Еще в письме было сказано, что митрополит наш, Богумил Годзелка, и подскарбий бывший, пан Зджислав Куфар, казне прилужанской ноги приделали. Чтoб, значит, Юстыну со Зьмитроком и всяким прочим «кошкодралами» правление медом не показалось. А ты им в том помогал. Так ли, пан Войцек? Поправь меня, коли ошибаюсь.

– Т-так не ты ошибаешься, пан Лехослав. Рыгораш ошибается. Хоть муж уважаемый и почтенный.

– В чем же он ошибается? – вкрадчиво так, как выбирающий лесу рыбак, поинтересовался жорнищанин.

– Что я к-к-казну увезти помогал.

– А в остальном?

– А т-ты пойди, п-пан Лехослав, поспрошай Богумила Годзелку, а? – внезапно окрысился пан Шпара. Даже шрам на щеке побелел.

– А что ты так разговариваешь, пан? – Жорнищанский сотник начал наливать краской. Даже шея сзади побагровела.

– А как м-мне с т-тобой разговаривать, коль т-ты допрос мне учиняешь?

– Я в своих правах. В своем городе.

– З-значит, можешь хватать всех п-подряд и допрос устраивать?

– Обижаешь, пан Войцек! – Лехослав засопел, набылчился. – Я тебя не хватал. Честью пришел поговорить. Как равный с равным. А ты оскорбить меня норовишь.

Пан Шпара вздохнул, провел большим пальцем вдоль края столешницы:

– Д-добро. Т-ты прости, ежели что не так, пан Лехослав. Я и в п-прежние времена добрым и п-покладистым не был. А теперь и вовсе стал – чистый трут. Т-то-олько искорку кинь, и загорелся.

Рчайка подал знак шинкарю наполнить чарки:

– Чтoб обиды наши ушли, как горелка из бутылки уходит!

Войцек кивнул. Выпил, зажевал окончательно замякшей галушкой.

– Что за дрянь вы тут едите? – удивился пан Лехослав. – Сейчас прикажу подать...

– Н-не трудись, не на-адо, – остановил его пан Шпара. – Разговор у н-нас, конечно, интересный и п-почти душевный, но мы с дороги. М-м-может, завтра продолжим?

– Можем и завтра поговорить, – пожал плечами жорнищанин. – Только сегодняшней мой разговор еще не окончен.

– Д-да ну?

– Ну да.

– Т-тогда говори, н-не держи в себе.

– Ты, пан Войцек, в письме сказано, казну на Искорост вез.

– В-верно. На Искорост. Т-точные у тебя сведения, пан Лехослав.

– Это не у меня. Это у Рыгораша, посланника угорского.

– Все й-йедино. Все-то в-вы про меня з-знаете – что вез, куда вез, с к-кем вез да как вез. Может, ск-к-кажешь мне, что в сундуке было на моей телеге?

– Знамо что – золото. Или, может, камни самоцветные?

Пан Войцек, запрокинув голову, беззвучно расхохотался.

Лекса мотнул бородой и прихлопнул ладонью о стол, пробормотав:

– Это... того-этого...

– Что ты смеешься, пан сотник богорадовский? – быстро, словно опасаясь, что его перебыют, заговорил пан Лехослав. – Ежели сказал что не так, извини, мы в академиях да институциумах не обучались. Ежели смешны мои слова про камни самоцветные, так тоже прости – меня в Выгов не вызывали к митрополиту да подскарбию. Мы тут в захолустье

живем, коровам хвосты крутим. Но мы хоть и в диком краю, а все ж не пальцем деланные. С головой дружим и сметку имеем. Потому предлагаю тебе, пан Войцек, вези казну Прилужанскую в Жорнице. Зджиславу Куфару она уже не понадобится. Слыхал я, он в застенках у Зьмитрока смерть свою нашел. Богумил Годзелка пускай Господу молится – к чему его преподобию мирскими делами голову забивать? А мы найдем злату-серебру применение. Пусть казна прилужанская народу послужит. Ведь что главнее всего для королевства? Народ! – Он торжественным движением поднял палец к закопченному потолку.

– С-сюда, говоришь, привезти? – Пан Шпара мгновенно посерьезнел и даже посуровел. – В Жорнице? Казну?

– Сюда. А что? – насторожился сотник Жорница.

– А п-п-после чего будем делать? Поделим по-братски? Или, м-может быть, снарядим пять полков г-гусарских, во главе их станем и гэй-гэй на Выгов? Или пану Скорняге по-о-одарим? Адасю Дэмбку? Так чего уж т-тогда не пану князю Янушу Уховецкому? Что Искорост? Давай на Уховецк казну погоним! Вместе, разом, дружно!

– Что-то я тебя не пойму, пан Войцек... – Пан Рчайка насторожился, уловив неприкрытую насмешку в словах собеседника.

– Эт-т-т-то я тебя не пойму. С че-его бы вдруг сотник порубежной с-с-стражи глаз на казну коронную положил? Шляхтич! Вельможный пан! И д-д-другому шляхтичу п-предлагает на честь и совесть наплевать и вместе д-д-денежки казенные п-п-присвоить. Так или нет, пан Лехослав? В-верно я тебя понял? Или, м-может, ошибся в чем?

Пан Лехослав аж захрипел от ярости, приподнялся, упираясь ладонями в стол, подался побагровевшим лицом к пану Шпаре:

– Ах, вот ты как заговорил? О чести, о гордости шляхетской вспомнил? Учить меня вздумал, совестить?

– Н-н-ну, кто-то же должен...

– На себя погляди сперва! Я укрывать краденое не подряжался! Так кто из нас первым о честь сапоги вытер?

Пан Войцек тоже поднялся, выпрямился, будто невзначай бросая левую ладонь на эфес сабли. Ему, равно мастерски владеющему обеими руками, все равно, которой из них клинок вытаскивать.

– Вот и поговорили, пан Лехослав, – произнес он без малейших признаков заикания, что свидетельствовало о холодной ярости, подступившей к сердцу и грозившей вырваться наружу от любого неосторожного слова или жеста. – Я тебя потешил, и ты меня порадовал. С избытком порадовал. А теперь слушай меня. Уходи прочь из этого шинка... Как бишь его там называют? Из «Свиной ножки». Уходи и не мозоль мне глаза. Слишком ты благородный, чтоб со мной, воругой малолужичанским, за одним столом сидеть, слишком. Обещаю в свою очередь, что уеду завтра с рассветом. И ноги моей в Жорнице не будет больше никогда. Невелика потеря и для Жорница, и для меня. Все. Прощай, пан Лехослав.

– Э-э-э, нет! – У жорницанского сотника, похоже, было собственное мнение о дальнейшем развитии их знакомства. – Ты меня гнать не моги. Я тут хозяин. Мое слово в Жорнице закон. И если я решил казну Прилужанскую у тебя отобрать, то отберу. Хватайся ты за сабельку или не хватайся. Уяснил, пан сотник богорадовский?

– Что?!

– Взять его! – воскликнул пан Рчайка, с неожиданным проворством отскакивая от стола.

Впрочем, далеко отбежать он не успел. Пан Войцек пнул ногой тяжелый стол и он, переворачиваясь, ударил пана Лехослава по коленкам, заставил ойкнуть жалобно, а после разразиться бранью, благородному сословию вовсе не приличествующей.

– Помните, живьем! – выкрикнул он в промежутках между ругательствами, обращаясь к своим, вскочившим и схватившимся за оружие, порубежникам.

– Кидай саблю, пан! – строго приказал рыжеусый урядник. – Нам кровь ни к чему.

Пан Войцек, не говоря ни слова, оскалился, поводя острием клинка из стороны в сторону. Шестеро противников... Если бы в чистом поле, а не в тесноте шинка... Да если бы четверо из них не подняли натянутые наполовину луки. Стрелы с граненым наконечником – пригвоздит к стене, сам не вырвешься, не расшатаешь. Да и стрелки, наверняка, мастера своего дела. Не даром со степняками воюют.

– Сдавайся, сдавайся, пан Шпара, – продолжал подзуживать Лехослав, держась на порядочном расстоянии, но все же за спины порубежников решивший не прятаться.

– Не сотней тебе командовать, боров, а дерьмо, через тряпочку процеженное, сосать, – дернул щекой пан Войцек.

– А за эти слова ты мне еще ответ дашь, Шпара! – Лехослав зашипел, даже брызги слюны изо рта полетели.

– Изволь. Хоть сейчас готов. Поединка! – Старинная сабля пана Войцека, доставшаяся от отца, а тому от деда, глянула прямо в лицо пану Рчайке. Неяркие отблески освещающих залу лучин побежали по узорчатому клинку наподобие утренней дымки над озером.

Пан Лехослав молчал. Кусал губы и усы, но ответить не решался.

– Ну, дерьмошник, поединка! – возвысил голос Войцек. – Или тебя при твоих людях за уши оттрепать, трус?

Жорнищанский сотник захрипел горлом (со стороны глянуть – вот-вот удар хватит от злости), вытащил клинок до половины... Потом мотнул головой, словно отказывая самому себе, и бросил саблю обратно в ножны. С силой бросил. Так, что крестовина звякнула об оковку устья.

– Не будет тебе поединка, песья кровь! Не дождешься! – И загремел, обращаясь к своим людям: – А ну, взять их! Да поживее!

Рыжеусый урядник кивнул, шагнул ближе к опрокинутому столу:

– Кидай саблю, вельможный пан. Не вынуждай грех на душу принять. Именем Господа прошу.

Войцек внимательно на него посмотрел. Простое лицо. Из селян, вольных землепашцев, либо из безденежной шляхты. Глаза с хитринкой, но это доброе лукавство. Здоровая деревенская сметка, которая и урожай собрать лучше соседского помогает, да и в сражении не лишняя тоже. Оружия урядник не обнажал, но руку держал так, что саблю мог выхватить в любой миг.

Краем глаза пан Шпара отметил, что ладонь Лексы, прижавшегося спиной к стене, медленно-медленно ползет к рукоятке мочуги.

Эх, прыгнуть бы сейчас вперед! Зацепить клинком хотя бы двоих из четырех лучников, дать время Лексе раскрутить дубину... А там пойдет как по маслу. Уж на конюшню, во всяком случае, прорваться труда не составит.

Только как же тогда Ендрек и пан Юржик, которые пошли наверх рвать зуб?

Услышат? Прибегут?

А если нет?

Годится ли бросать односумов, спасая собственную шкуру?

Бывший богорадовский сотник дернул щекой. Ответ на этот вопрос он знал. И ответ был всегда один, независимо от обстоятельств.

Значит, единственный выход – тянуть время. Можно все-таки добиться поединка с красномордым жорнищанским сотником. Глядишь, тогда и товарищи услышат звон клинков, выглянут поинтересоваться, что да как.

Значит, тянуть время...

Пальцы Лексы сошлись на бугристой рукоятке мочуги. Сжались...

Две стрелы ударили почти одновременно.

Как порубежникам удалось рвануть тетиву до уха, прицелиться и отпустить? Уму непостижимо. Обычный человек и моргнуть не успел бы. Вот уж воистину мастера!

Звучно щелкнули тетивы по кожаным нарукавникам.

С глухим стуком вонзились граненые наконечники.

Охнул Лекса. Застонал сквозь сжатые зубы.

Одна стрела пробила ему ладонь, пригвоздив руку к дубине. Вторая прошла у самой шеи и пришила ворот кептаря к стенке. Войцек сразу понял – то был не промах лучника, а просто предупреждение. Не рыпайся, мол, везде достану и что захочу, то и сделаю.

– Бросай саблю, пан, – с нажимом повторил урядник. – А то как бы мы не устали уговаривать.

На луках, только что выстреливших, вновь хищно целились стрелы. Да, выучки военной не занимать-стать.

Пан Войцек почти решился. Господь не выдаст, свинья не съест. Тем паче, кольчуга под жупаном добрая – двойного плетения. Не раз в бою выручала. Прямого удара бронебойной стрелы, конечно, не выдержит, но, если удастся вскользь пропустить, должна защитить. Сперва прыгнуть вправо, закрыться от двоих стрелков урядником, срубить его, а если удастся – и жорнищанского сотника, а там видно будет. Может, без командиров порубежники не захотят в бой ввязываться. Не очень-то много чести в таком бою заслужишь.

В этот миг на полутемной лестнице, ведущей на жилой этаж, появились пан Юржик и медикус Ендрек.

Не одни появились, а в компании того сухопарого, одетого в коричневый мятель и зеленый пелеус старика, что пришел с паном Рчайкой, и двух порубежников.

С первого взгляда стало ясно, что не своей волей в подобном обществе они оказались.

Руки Ендрека были заведены за спину и, судя по развороту плеч, туго скручены в локтях. Но это все безделки! Во рту студиозус держал деревянный чурбачок, закрепленный петлей через затылок.

«Чтоб не кричал, что ли? – подумал пан Шпара. – Так и кляп сгодился бы... Что за обычаи чудные в хоровском порубежье?»

Но гораздо больше, чем связанный студиозус, поразил пан Юржик. Шляхтич шагал словно во сне. С людьми иногда такая хворь приключается. Встают с постели среди ночи и, не просыпаясь, начинают бродить, пугая родственников и соседей. Хорошо, если по ровному будет ходить, а то у многих проявлялась тяга то на крышу забраться, то по колодезному срубу погулять. После упадет – ноги переломает, если не шею, не приведи Господь. В Прилужанском королевстве таких путешественников называли лунатиками. Лечили молитвами, постами и отварами трав. Но с чего бы это пану Бутле, никогда раньше повода даже не дававшему заподозрить себя в лунатизме, такое вытворять?

Войцек поискал взглядом глаза студиозуса. Нашел...

Ендрек видел, в каком затруднительном положении оказался их небольшой, чтобы не сказать маленький, отряд. Понимал отчаяние и беспокойство пана Шпары. Но с палкой во рту не то, чтобы объяснить, что к чему, даже подмигнуть не мог. Челюсти и щеки затекли мгновенно, из уголка рта стекает слюна – попробуй-ка сглотни, когда взнуздали словно коня норовистого.

Ничего он не мог поделать.

Не мог рассказать, как в комнату, где он приступил к лечению пана Юржика, вдруг вошел высокий худой старик в странной одежде, мало принятой в Прилужанах. Вот в купеческом квартале Руттердаха он не привлек бы внимания ни на полгрошика.

Ни повернуться, ни спросить, какого лешего приперся, студиозус не мог, поскольку наконец-то утвердил клещи на больном зубе пана Бутли. Перед тем раз десять стальные губки соскальзывали, причиняя шляхтичу лишние страдания. И так больно, мочи нет терпеть, а тут еще железом стучат. Поэтому Ендрек из всех сил старался думать о скорейшем выздоровлении пан Юржика, о том, как хворь уйдет, покинет распухшую щеку и налитую гноем десну. Так он вылечил некогда самого пана Войцека. Просто, складывая ломаные-переломанные кости, из всех сил желал им срастись. В итоге страшная, по меркам любого ученого врачевателя, рана зажила за какой-то десяток дней.

Старикан цепким взглядом враз охватил убогую обстановку комнаты, укоризненно покачал головой.

– Ай-яй-яй, юноша, ай-яй-яй, – голос у него был высокий и слегка дребезжащий, как надтреснутый колокольчик. – Значит, Контрамацию нарушаем? Нехорошо. Ай-яй-яй...

Ендрек хотел ответить, что Контрамацию он нарушать никак не может, поскольку чародейством не пользуется, а если и применяет какие-то жалкие крохи магической силы, то неосознанно, в жалких количествах – не больше, чем бабка-ворожка, заговаривающая на покосе порезанную кметем ногу. Но не смог. Попробовал пошевелиться, хотя бы вынуть клещи у пана Юржика из рта и извиниться перед волшебником – а старик без всякого сомнения был волшебником, скорее всего реестровым чародеем жорницанской сотни, – и тоже не смог.

А потом он увидел остановившийся, бессмысленный взгляд пана Бутли, который сидел без движения и только со свистом втягивал воздух через распахнутый до предела рот.

Вот тогда ему стало по-настоящему страшно. Так же, как тогда, когда висел, распятый на деревянной раме над гексаграммой в замке пана Адолика Шэраня, когда мазыл Козма из отряда рошиоров Тоадера наклонялся над ним с широким ножом...

А старик прошелся по комнате, брезгливо придерживая полу мятеля, чтоб не зацепиться ненароком за покрытую слоем пыли мебель. Осторожно вынул клещи из рук Ендрека, опустил их на стол.

– Ай-яй-яй... – продолжал он нарочито сокрушаться. – Как нехорошо, юноша. Большую ошибку ты совершил, большую. – Вдруг голос его стал холодным и твердым. – Позволь представиться, реестровый чародей Гудимир, сотни порубежной стражи пана Лехослава Рчайки. Властью, данной мне прилужанской короной, Советом чародеев Выгова и полным гетманом Хорова, я тебя арестовываю, ибо... Да ладно, какое там ослу под хвост «ибо». Колдовать не надо, где ни попадя. Ясно? Ощутил призвание – будь добр в Институциум, в стольный Выгов-град.

Ни ответить, ни пошевелиться Ендрек все еще не мог. Как в кошмарном сне, когда к тебе приближается чудовище, разевает зубастую пасть, а ты ни убежать не в силах, ни даже закричать от ужаса.

А Гудимир тем временем выглянул в коридор:

– Заходите. Вяжите его. С особым тщанием вяжите: паренек – сильный чародей. Только не осознал еще этого.

«Кто сильный? Я? – поразился студиозус. – А какой же тогда силой обладает Мржек, которому моя защита, что плетение паука?»

Вошли двое порубежников. Настороженные, напряженные.

– Да не бойтесь, не бойтесь, не укусит, – хитро подмигнув, подначил их Гудимир. – Я обездвиживающие чары последних сто лет отрабатываю. Никто еще не вырывался. А вы вяжите его. Да так, чтобы ни пальцем, ни рукой двинуть не мог, да чтоб заклинание не произнес, не приведи Господь.

Жорницане сноровисто, выдавая немалый опыт, скрутили Ендреку локти за спиной, тонкой бечевой обмотали пальцы, которые, как назло, тут же начали невыносимо чесаться.

В рот засунули гладко оструганный липовый чурбачок. К нему полагался ремешок с петельками по концам и еще одной петлей сзади – она пришлась как раз на затылок. Один из порубежников вставил в заднюю петельку палочку и закрутил. Похожее приспособление используют конюхи, смиряя самых злых лошадей, если приходит нужда их полечить. Называют его «закруткой» и набрасывают коням на верхнюю губу.

Гудимир оглядел работу подручных. Подергал узлы. Кивнул одобрительно. И тут же к Ендреку вернулась способность двигаться. Правда, единственное, что он смог сделать, это обессиленно опуститься на табурет.

А чародей, не обращая на него внимания, подступил к застывшему пану Юржику. Попытался заглянуть в открытый рот. Выругался неразборчиво под нос, щелкнул пальцами, зажигая в воздухе маленький яркий огонек. Эдакий волшебный светлячок.

– Ай-яй-яй, юноша... Кто же так зубы удаляет? Сперва обезболить десну следует, – Гудимир пошевелил пальцами у щеки Юржика. – Вот так, годится... После можно и приступить. – Чародей ловко подхватил клещи сильными тонкими пальцами, продолжая пояснять свои действия: – Накладываем щипцы. Осторожно, чтоб десну не поранить. И так уже вся иссечена – ай-яй-яй, юноша, ай-яй-яй. Тянем... тянем... Хорошо сидит, зараза... – В голосе волшебника послышалось напряжение. – Есть! Вот он!

Торжественным жестом победителя Гудимир бросил на стол окровавленный, почерневший с одного бока зуб.

– Теперь рану не худо и прижечь. Можно, конечно, огнем, но, я вижу, ты приготовил горелку? Похвально, чувствуется выучка Руттердахской академии. Медицинский факультет, не так ли?

Ендрек слабо кивнул.

– Я так и подумал. Вот и лечил бы, как профессора учат, а он Контрамацию нарушать вздумал, – сварливо заметил волшебник. – Нехорошо!

Он тряхнул пана Бутлю за плечо и приказал, протягивая чарку:

– Пей! Сразу не глотай, полощи рот. А теперь можешь и проглотить – чего зря добро переводить?

Пан Юржик повиновался, явно не соображая, что делает, а просто выполняя распоряжения. Как слабоумный ребенок.

– А теперь – пошли, панове.

Гудимир решительно шагнул через порог.

Старший порубежник – седоусый крепыш с родинкой на правой щеке – крепко взял Ендрека за шиворот тарататки:

– Двигай ногами, парень. Другой раз будешь головой думать.

Второй стражник – остроносый, скуластый – повел под руку пана Бутлю.

Вот такой процессией они и спустились в залу, поспев как раз к сроку, чтобы не дать Меченому броситься в безумную атаку на лучников и совершить тем самым непоправимую ошибку.

– Сдавайся, Шпара! – обрадованно воскликнул пан Лехослав. – Или тебе жизнь товарищей не дорога?

– Против твоего спутника, пан Войцек Шпара, – добавил Гудимир, спускаясь по ступенькам и становясь плечом к плечу с жорнищанским сотником, – могут быть выдвинуты серьезные обвинения. Если хочешь облегчить его участь, сдавайся.

Пан Войцек помедлил, скривился и бросил саблю на пол. Старинный клинок, жалобно зазвенев, отскочил к ногам пана Рчайки. Пан сотник, ухмыльнувшись, придавил его подошвой, оборвав песню честной стали на половине ноты.

Глава третья,

из которой читатель узнает кое-какие сведения об обычаях кочевников из правобережья Стрыпы, убеждается, что опытный чародей-лужичанин на голову превосходит любого шамана аранков, а также побывает в выговском шинке «Желтый гусар», где станет свидетелем весьма интересного разговора и не менее интересного знакомства.

Только в сказках отправившиеся в набег аскеры мчат по степи, не сдерживая привольного скача коней. Вертят саблями над головой и выкрикивают проклятия врагам. Поют и хохочут, вдыхая полной грудью напоенный ароматами трав и цветов воздух.

Шовшур-аскер из клана Сайгака племенного союза аранков поежился и стянул на горле ворот шапана. От моросящего со вчерашнего вечера дождика лисий малахай и овчинная безрукавка промокли и потяжелели. Вороной конь с жесткой лохматой гривой под седлом аскера упрямо рысил, попирая крепкими копытами желтеющие травы – типчак и мятлик, ковыль и тонконог. Степь, подобно лохматой шкуре, напитывалась влагой под осенними дождями. Не очень-то поскачешь во всю прыть.

Да и как скакать, когда коней беречь надо?

Нет коня – нет аскера. Лужичане, конечно, не такие лихие молодцы, как аранки или, к слову сказать, те же гауты, но помнят с какого конца за саблю браться. В миг нагонят и объяснят беспечным острой сталью, что не следует на чужое добро зариться.

Потому семь десятков воинов, следующих за Шовшур-аскером, как за вождем, не кричали и не пели, не вертели саблями над головами и не показывали лихость, прыгая вокруг коня, хотя каждый, без сомнения, мог на полном скаку шапку с земли подобрать.

Упиваться степным воздухом тоже особого желания не было. От раскисшей земли и суставчатых, поникших трав пахло прелью и сыростью.

А ведь совсем недавно еще, в месяце Падающих Звезд, который лужичане зовут вреснем, а угорцы – яблочником, днем солнце сияло ни в чем не уступая летним погожим месяцам, а ночное небо радовало глаз россыпью звезд и слетающими с саженой сабли Саарын-Тойона искрами. Каждый год точит Небесный Отец свой клинок, с началом холодов ожидая вторжения черной орды нежити – полчищ Муус-Кудулу.

Чамбул Шовшур-аскера вышел в поход уже давно. Пастбища и охотничьи угодья клана Сайгаков далеки от Великой Полуночной Реки, за которой начинаются земли лужичан. Больше десяти дней скакали они по правобережью. Миновали края, где пасут коней, овец и остроногов коров клан Коня и клан Джейрана, клан Волка и клан Тарбагана. Оставили по левую руку урочища и предгорья Грудкавых гор, обжитые коварными и беспощадными Росомахами. Реку пересекли почти не таясь – этим летом порубежной страже Великих Прилужан не до границы. Свои со своими грызутся. Потому-то и решил Шовшур-аскер разжиться чужим добром, потрепать изнеженных соседей за тугую мощну.

Старики рассказывают: раньше нелегко было ходить в северные земли за добычей. Жители левого берега Великой реки не только сталью сражались, но и весьма искусно чародейством пользовались. Запросто можно было в неприметном и незащищенном ничем, кроме плетеной загородки, селе нарваться на огненные шары и белые молнии, вздымаю-

щуюся волной землю и ледяные стрелы. Потому и пошел обычай брать с собой в походы опытных шаманов, которые смогли бы вражескому чародейству свое колдовство противопоставить. Почему-то волшебники кочевников значительно уступали в силе северянам. Приходилось брать количеством. Втроем, вчетвером одного лужичанского чародея завалить могли. Но уже во времена деда Шовшур-аскера что-то случилось в Прилужанском королевстве, и волшебники стали большой редкостью. Зато все как один теперь служили вместе с пограничными стражниками. И выучку улучшили не на шутку. Теперь аскеры вынуждены до десятка шаманов с собой таскать.

Предводитель аранков недовольно покосился на скачущего немного позади Улуу-меге – десятника шаманов. Морщинистый, коричневолицый старик годился аскеру в отцы, в любом деле имел свое мнение и вообще был каждому бурдюку затычка. Но десяток его удалцов-шаманов составлял внушительное подспорье а любом бою, и Шовшур-аскеру оставалось лишь радоваться, что волшебник не претендует на командование всем чамбулом.

Сейчас Улуу-меге скакал с полуприкрытыми глазами, как будто тусклое осеннее солнце, с огромным трудом проглядывающее сквозь плотную кошму облаков, слепило его. Но вождь чамбула знал, что не дневной свет заставлял шамана закрывать глаза. Осенний день сер, как летние сумерки. Притворяться, что тебя слепят жаркие лучи, нет необходимости. Улуу-меге смотрел по сторонам внутренним взором, доступным лишь приобщенным к волшебству. Он мог почувствовать не только засаду вражеского колдуна, но и пульсирующую ненависть притаившихся в овраге обычных порубежников, страх скрывающихся от набега поселян. А иной раз ощущал даже пробегающую мимо волчью стаю. Пусть смотрит. Почувствует что-нибудь, предупредит обязательно...

Словно услышав мысли Шовшур-аскера, шаман открыл глаза и поднял руку.

– Что? – Воин придержал вороного коня, поравнявшись с гнедо-пегим косматым коньком волшебника.

– Чую!

Улуу-меге никто не мог упрекнуть в излишнем многословии. Обычно шаманы любят потрепаться у костра, особенно если пропустят чашку-другую араки, поучить жизни, показать, какие они умные и для племени полезные. Из Улуу-меге каждое слово приходилось тянуть на аркане, как дикого жеребца-трехлетку.

– Что чуешь? Говори, не томи!

– Чужой чародей. Сильный, однако.

Этого еще не хватало! Неужели разведчики порубежной стражи сумели найти их следы? Придется или принимать бой и с честью погибнуть, или удирать за реку несолоно хлебавши, без добычи, а после выслушивать насмешки прочих аскеров. Да Шовшур-аскер лучше на кинжал упадет!

– Откуда здесь чародей? Говори!

– Не знаю, однако. Нагоняют во-он оттуда... – Улуу-меге показал тощей, увитой черными жилами рукой, откуда именно.

– Нагоняют? Йах! Сколько с ним?

Шаман скривился, нехотя признаваясь:

– Не чую. Плохо. Сильный чародей. Только его чую.

– Йах! – Шовшур-аскер обернулся к воинам. – Эй, аскеры! Мы искали воинской славы, а она сама нас нашла! Готовьте луки! Бучай!

– Слушаю! – приблизился молодой аранк. Пускай по годам – юноша, но по делам – умелый и беспощадный воин.

– Отстанешь со своим десятком. Зайдешь врагу сзади. Или сбоку, как выйдет.

– Слушаю, Шовшур-аскер!

Протяжным свистом Бучай позвал своих людей. Они замедлили бег коней, а вскоре и отвернули в сторону.

– Улуу-меге!

– Да?

– Твои шаманы готовы?

– Да.

Они молча проскакали еще три полета стрелы.

– Улуу-меге!

– Да?

– Враги далеко?

– Близко.

– Совсем близко?

– Да. Совсем. – Шаман пристально вглядывался в туманную дымку по левую руку от вытянувшегося в длинную колонну чамбула. Чмокнул узкими губами. – Вот они.

Из тумана возникли силуэты пяти всадников.

– Пятеро? – опешил Шовшур-аскер. Даже не сдержал недостойного истинного воина удивления и волнения.

– Пятеро, – пожал плечами Улуу-меге.

– Который чародей?

– Спроси лучше, сколько звезд на небе.

– Йах! Придется всех убивать.

По его команде чамбул сократил и без того неспешную рысь, разворачивая коней головами навстречу незнакомцам, так, чтобы образовать широкий полукруг с подручными Улуу-меге в вогнутой части.

Лужичане (а кто иной еще мог так вольно скакать по левобережным степям?) приближались неторопливо. За оружие не хватались.

У всех, как на подбор, рослые буланые кони.

Впереди ехал высокий широкоплечий мужчина средних лет. В черном жупане и плаще с волчьей опушкой. Темно-русая голова не покрыта шапкой несмотря на мелкий холодный дождик, лицо обрамлено тонкой бородкой по краю нижней челюсти. Волосы до плеч, в отличие от большинства северян, стригшихся в «кружок». Кочевники, заплетавшие волосы в длинные косы, свято верили, что в них заключена сила аскера – обрежь и бери его голыми руками, поэтому обычаев соседей не понимали и презирали их за это.

Следующие за широкоплечим предводителем всадники носили шапки с малиновым атласным верхом и бобровой оторочкой, украшенные фазаными перьями. Из-под грязных, выдававших долгие скитания, кунтушей виднелись щедро расшитые серебряным галуном жупаны.

На лужичан не похожи.

Кто такие?

Шовшур-аскер едва в затылок не полез пятерней, но вовремя опомнился – не стал при воинах растерянность показывать. И использовал потянувшуюся вверх руку правильно – перехватил висящую на темляке плеть-нагайку и взмахнул ею.

За ветром и топотом копыт он не расслышал скрип десятков натянутых тетив, но ни на мгновение не усомнился – короткие черные стрелы с подпиленными наконечниками нацелились в сердца пятерых врагов.

Русоголовый – скорее всего именно он и был почуянным Улуу-меге чародеем – бросил повод на шею коня, поднял обе руки ладонями вперед. Жест, во все времена и у всех народов призванный показать мирные намерения. Если бы Шовшур-аскер поверил ему! Но нет. У аранков и у самих в чести были военные хитрости, и обман лупоглазых северян чести не

уменьшал, а напротив – прибавлял. Ведь даже Саарын-Тойон не раз и не два обманул мерзкого Муус-Кудулу. На войне как на войне.

Предводитель чамбула резко отмахнул нагайкой. Полсотни стрел сорвались в полет...

И упали, наткнувшись на невидимую преграду в двадцати шагах от цели.

«Йах! Вот колдун проклятый!» – подумал Шовшур и хотел крикнуть Улуу-меге, чтоб не дремал, но тот знал, что делать.

Десять змеистых бело-голубых молний рванулись к русоголовому. Потянулись жадно, как руки богача к брошенному без присмотра добру.

Все та же преграда остановила их, отклонила и направила в землю.

Клубы пара пошли от мокрой травы так, что шарахнулись кони северян.

Воины в жупанах с галуном втянули головы в плечи. Видно, не до конца верили в мастерство своего командира. Но он оставался спокоен.

– Стойте, храбрые аскеры! – выкрикнул чародей и, подавая пример, осадил коня.

Говорил русоголовый на наречии кочевников – или, как сказали бы в правобережной степи, на настоящей речи – достаточно хорошо. Неужели гостил в становищах и кочевьях раньше? А может, ему и в самой Ачук-Орде, где живет Алтын-Хан, младший внук самого Саарын-Тойона, бывать довелось?

– Стоять! – коротко и зло бросил Шовшур-аскер.

Аранки натянули поводья, аж кони присели на задние ноги.

Замерли. Стрелы по-прежнему наложены на луки. Достаточно одного неверного жеста, одного подозрительного слова и...

– Храбрые аскеры! – проговорил русоголовый. – Славные степные воины! Слышал я, старейшины ваших родов говорят: враг моего врага – мой друг. Не правда ли? – Он сделал выразительную паузу. Усмехнулся. – Уважаемый аскер, прикажи воинам, которые заходят ко мне и моим людям со спины, остановиться. Иначе многие матери в кочевьях аранков будут оплакивать сыновей.

– Дье бо! (*Ну да!*) – недоверчиво воскликнул Шовшур.

– Хочешь проверить? – недобро прищурился волшебник.

– Бучай!!! – Если возникала необходимость, Шовшур-аскер мог перекрычать скачущий табун или степной буран. – Стой, Бучай!

Русоголовый кивнул одобрительно. Продолжил:

– Может, поговорим, сойдя с коней, у костра?

– Почему я должен говорить с тобой, северянин?

– Потому, что я предлагаю тебе военный союз.

– Йах! Зачем мне союз с тобой?

– Ты слишком непонятлив для водителя десятков аскеров...

– Сердце лисицы, жало гадюки! – Улуу-меге поравнял пегого лохмача с воронным Шовшур-аскера. – Зачем ты явился, земное воплощение Муус-Кудлу?

Волшебник внимательно оглядел сухого скуластого старика, продубленного солнцем и ветром бескрайней степи. Скривился. Выплюнул перекошенными губами:

– Песья кровь! Ты заплатишь за свою наглость!

Он стремительно выбросил вперед правый кулак, раскрывая его ладонью к Улуу-меге.

Шаман вылетел из седла. Перекатившись через круп пегого, грянулся о землю. Вскочил, потирая ушибленное плечо.

– Сдохни, стервятник!

Улуу-меге присел, словно намереваясь прыгнуть на врага и вцепиться ему в глотку скрюченными от ярости пальцами. Его окутало розоватое сияние – как будто малую толику крови растворили в ключевой воде. Шаманы, следовавшие за ним в поход, восхищенно зашумели. О таком в степи лишь сказки рассказывали да пели шастры. Сам Шовшур-аскер

никак не ожидал от худосочного Улуу-меге подобной прыти. Едва заметное сияние свидетельствовало об огромном количестве волшебной силы, которой сумел воспользоваться шаман. Обычно лишь посвященный в тайное знание мог наблюдать магический поединок, но не простой воин.

Перед грудью Улуу-меге начало возникать прямо из воздуха призрачное копье. Не легкий дротик, который можно метать во врага, и не пика для конной сшибки. Тяжелое копье с окованным сталью древком, широким листовидным наконечником, дающим возможность не только колоть, но и рубить. Подобные копья не в чести среди воинов-степняков. Лишь герой преданий, легендарный прародитель аранков Ньюрун-тойон, сражаясь против Муус-Кудулу, пользовался им. Не потому ли Улуу-меге, обозвав чужого колдуна земным воплощением владыки Нижнего Мира, прибег к древнему оружию?

Шаман стягивал из стылого воздуха капельки тумана и дождейки, остужал их и соединял в ледяное копье. Длинное, острое, смертоносное.

Чтобы создать оружие, ему потребовалось совсем мало времени. Мужчина не успел бы и чашу араки осушить...

А потом копье рванулось вперед, в грудь презрительно опустившего уголки губ северянина.

Чужак остановил колдовство Улуу-меге так же легко, как останавливал перед этим молнии его учеников. Просто сгустил воздух вокруг вначале до вязкости воды, потом сметаны, а потом и камня.

Шаман-аранк видел это столь же хорошо, как вошь, ползущую по рукаву шапана. И понимал, что, расправляясь с ним, русоволосый затратит не больше времени, чем на убийство вши.

Покорность судьбе не в обычаях кочевников, но сила соломой ломит. Только надежда сохранить остатки чести и боязнь потерять лицо перед чамбулом соплеменников заставляла Улуу-меге сопротивляться. Он напряг все силы, чувствуя, как от натуги обрывается что-то за грудиной, и толкал, толкал копье льда в сердце врага. Глаза его налились кровью, жилы на шее и на висках вздулись черными жгутами.

И ему удалось!

Копье подвинулось вперед. Вначале на ладонь, потом на локоть, на аршин...

Шаманы одобрительно загудели, даже Шовшур-аскер стиснул рукоятку плети, переживая за соплеменника.

Северянин оскалился, его тоже охватило сияние. По-прежнему поднятая ладонь вдруг сжалась в кулак, который крутнулся и прыгнул вперед. Будто в рукопашной схватке.

Ледяное копье подскочило вверх на добрых полторы сажени, закрутилось, как сабля в руках удалыца-асекра, и полетело в обратном направлении, ударив Улуу-меге под коленки. В некоторых становищах гаутов, близких к горам, детвора играет в похожую игру, сбивая старые, выбеленные ветром черепа врагов длинными палками. Старейшины аранков такое глумление над останками – пусть даже и вражескими – не одобряли, и игра не прижилась. Даже в своенравном и жестоком клане Росомах.

Улуу-меге упал ничком, как подрубленный.

Но почему как? Ледяное копье подрубило ему ноги почище топора. Левая ступня вывернулась, не оставляя ни малейшего сомнения – перелом.

И все же шаман не утратил мужества и воли к победе. Он попытался подняться, оттолкнулся от земли руками...

Русоголовый щелкнул пальцами левой руки, словно пылинку с обшлага жупана сбил. Аранк отлетел как от хорошего пинка ногой, хрипло закашлялся, выдувая кровавые пузыри в углах рта.

Копье при этом вращалось в воздухе, покорное движениям правого кулака чародея.

Еще щелчок!

Улуу-меге взлетел аршина на полтора вверх и плашмя, как подстреленная дрофа, упал в мокрый тонконог лицом, распластав руки-крылья.

Рубящее движение правой ладони!

Острый столб переливающегося перламутром льда устремился вниз и с размаху вонзился шаману в спину – так удачливые аскеры прибивают уши врагов к центральному столбу юрты.

Да нет, не в спину! Шовшур-аскер напрягся в седле, не зная что и делать. То ли командовать воинам кинуться в атаку на странных и опасных северян, то ли разрешить рассыпаться по степи, спасая свои шкуры?

Ледяное копьё пробило тело шамана пониже спины. В самый раз между ягодич. Словно русоголовый чужак знал, как вернее и надежнее всего унижить храброго и гордого аранка. Если даже Улуу-меге выживет, никто не пустит его к костру. Ни одно кочевье, ни один род от Грудкавых гор до Соленого озера далеко на востоке. Страшный позор, от которого впору полоснуть себя по горлу кинжалом или упасть грудью на острие сабли.

Улуу-меге выгнулся и закричал.

Вернее, хотел закричать, но рот ему залепил невидимый кляп. И только невнятный хрип да бульканье вырвались из натянутого как тетива горла. Шаман продолжал выгибаться, и Шовшур-аскеру уже послышался, как наяву, хруст ломающихся позвонков, но колдун сделал новое движение. На это раз указательным пальцем. Будто провел по краю чашки. Голова Улуу-меге провернулась на шее так, как никогда не поворачивается у живого человека. Только сова может поглядеть, что у нее за спиной. Глаза аранка выпучились и остановились...

Русоголовый волшебник хлопнул в ладоши.

Ледяное копьё исчезло, расплываясь лужей вокруг бездыханного тела Улуу-меге.

– Я – чародей Мржек Сякера, герба Сякера, – отдельно, словно детей малых поучал, произнес северянин. – Разве в правобережной степи еще не слыхали обо мне? Жаль, жаль... Он мог бы жить.

Услышав волной прокатившееся по рядам аранков повторение своего имени, Мржек поднял темные глаза, глаза безжалостного убийцы:

– Только попробуйте что-то сделать. Прах над ковылем развею.

Он не пугал, не угрожал, просто предупредил, но Шовшур-аскеру сразу расхотелось оказывать сопротивление. Даже спорить и возражать чужому колдуну охота пропала. Да и спутники Мржека в расшитых галуном жупанах не стремились оказаться к нему как можно ближе. Напротив, во время расправы над шаманом постарались отодвинуться подальше.

– Что ты хочешь? – пересохшими губами проговорил Шовшур-аскер. Страшно, не страшно, противно, не противно, но он взялся вести этих юношей через реку за воинской славой и прятаться не станет ни за чью спину.

– Ты пришел сюда за добычей и за ушами врагов, аскер?

– Да. Это так.

Мржек покачал головой:

– Разве по уставу предков говорить со мной, скрывая свое собственное имя? Ведь я себя назвал.

– Я – Шовшур-аскер из клана Сайгака. Я и мои воины – аранки.

– Хорошо, Шовшур-аскер. Я знаю, аранки – великие воины.

Аскер едва сдержался, чтобы не кивнуть самодовольно – умеет, умеет чародей польстить кочевнику. Но вместо этого Шовшур сдержанно произнес:

– Какого племени ты, Мржек Сякера? – непривычное имя далось его губам и языку с большим трудом.

– Я не принадлежу ни к какому племени. Мой народ меня отверг. Я дружу с тем, с кем мне нравится дружить, сражаюсь бок о бок с теми, с кем мне не стыдно сражаться. Сейчас мои спутники – грозинчане. Слышал ли ты о таком народе?

– Северные ветры доносили до наших очагов весть о том, что грозинчане сейчас служат Прилужанскому королевству.

– Это так. Но они помнят времена, когда служили только своему князю. И среди грозинчан есть немало удалцов, готовых отдать жизнь за свободу.

– Йах! – причмокнул губами Шовшур-аскер. – Желание, достойное настоящих мужчин.

– Я рад, что ты одобряешь их, – ухмыльнулся Мржек. И непонятно: правда доволен или подначивает?

Воины-аранки за спиной Шовшур-аскера давно сбились в кучу. Вот получают после. Словно дети несмышленные. С врагом ли, с неожиданным союзником ли, а надо всегда быть начеку.

– Ты что-то говорил о добыче, Мржек Сякера?

– Верно, говорил. Хочешь ли ты, Шовшур-аскер, чтобы о твоих подвигах пели шастрычи у костров не только аранков, но и гаутов, и магатов?

– Дье бо!

– Вижу, хочешь. Тогда слушай меня внимательно, достойный аскер. Слышал ли ты о городке Жорнице?

– Йах!

– Вижу, слышал. Хочешь захватить его и разграбить?

– Дье бо! В Жорнице сотня порубежников и чародей.

– Но ты же хочешь воинской славы?

– Зачем мертвому слава? – пожал плечами аранк.

– Я думал, воинская доблесть для воинов-аранков выше смерти.

– Кому нужен подвиг, о котором не узнают в родном кочевье?

– У тебя семь десятков воинов, Шовшур-аскер. Без малого, – Мржек кивнул на распростертое тело Улуу-меге. – И ты боишься?

– Разумная осторожность – не трусость.

– Согласен. А если с тобой вместе пойдут в поход еще десяток грозинчан и один слабенький, бесталанный чародей?

– Враги будут за стеной.

– Я снесу тебе эту стену, – оскалился Мржек. – Согласен?

Шовшур-аскер задумался. Он видел чародея-северянина в деле. Улуу-меге был весьма неплохим шаманом. Разделать его как младенца удалось бы не всякому. Но степной обычай учит: если враг протянул тебе руку, погляди, не спрятан ли в рукаве кинжал, если дает кусок мяса – нет ли в нем отравы. Колдун вовсе не походил на бескорыстного дарителя.

– А сотня порубежников?

– Какой ты недоверчивый, Шовшур-аскер. Смотри!

Мржек поднял вверх сжатую в кулак правую ладонь. Прищурился. Запел, не открывая рта. Непонятная, сложная мелодия. Может, на севере и любят такие песни, но кочевникам, привычным к простым и незамысловатым наигрышам шастырчи, она показалась странной и отталкивающей.

А потом колдун принялся легонько сжимать-разжимать кулак в такт мелодии. Заиграли сильные мускула на выглянувшем из рукава жупана предплечье. Раз-два, раз-два... Словно живое сердце поселилось в ладони волшебника.

Неожиданно Шовшур-аскер почувствовал смутное беспокойство. Так, что-то легкое, похожее на волнение перед предстоящей схваткой. Вороной прижал уши, захрипел. Позади

предводителя аранков, в толпе молодых воинов послышались удивленные восклицания. Заржали кони.

Беспокойство усиливалось, перерастая в безотчетный страх. Усилием воли Шовшур-аскер заставил себя не думать о страхе, но неслышный голос говорил прямо в душу: «Беги, беги... Спасайся, если не хочешь умереть такой страшной, позорной смертью, что даже путь на пастбища и в охотничьи угодья пращуров будет заказан. Спасайся, беги очертя голову, не сдерживай вороного. Он ведь тоже чует беду...»

Кони ржали, приседали на задние ноги, прижимали уши и храпели.

Все больше усилий приходилось прилагать Шовшуру, чтобы удержать вороного в повиновении, а ведь конь был его проверенным боевым товарищем, готовым по приказу седока пойти в огонь и на вражескую сталь. Пронзительное ржание справа заставило аскера скосить глаза. Саврасый жеребец под его троюродным племянником Дашаром, молодым, не встретившим еще семнадцатую весну, закусил удила, выгнул спину и заскакал козлом, стараясь сбросить седока.

– Еще? – Мржек не повышал голоса, но аранкам его звуки показались ревом черного рога Муус-Кудулу, когда пойдет он с окованной железом палицей впереди своих черных полчищ на бой с праведниками, стражами чертогов Саарын-Тойона.

Вороной дернулся в сторону, Шовшур-аскер изо всех сил натянул повод, одновременно прижимая шенкеля, и только так удержал коня. Прямо перед собой аранк увидел побагровевший, бешено вращающийся глаз скакуна и понял, что сейчас случится нечто непоправимое.

– Довольно, – прохрипел он. – Хватит...

Чародей разжал кулак, опуская руку, и тут же страх исчез. Даже удивительно, чего это люди и животные так переполошились. Шовшур глянул на грозинчан. Они сидели спокойно, с усмешками наблюдая за паникой в чамбуле. Один из северян – седоватый, светлоусый – даже подбоченился, покручивая ус. Разве что ногу через переднюю луку не перекинул, красуясь.

И Шовшур-аскер решился. Ведь все равно деваться некуда. Откажись, и живыми колдун их не отпустит. А то, чего гляди, сделает так, что сами друг друга порубят прямо здесь, северянам на потеху. Но и соглашаться, не поторговавшись, настоящий кочевник не мог.

– Что ты попросишь взамен за нашу помощь, Мржек Сякера? – Шовшур наклонился, похлопал вороного по взмыленной шее, успокаивая.

– Да сущий пустяк! – снова ухмыльнулся чародей. Нехорошая у него была улыбка. Будто примеряется в горло вцепиться зубами. – Мы войдем в город с вами. Нам нужен человек. Или два... Там видно будет. Мы их заберем, а город я оставляю вам. Что ты ответишь мне, Шовшур-аскер из клана Сайгака?

– Я думаю, мы поладим, – кивнул аранк. Обернулся к своим воинам. – Слышали, аскеры? Ваши отцы будут гордиться вами, ваши невесты будут ласкать вас втрое жарче! На Жорнице!

– Хаш! Хаш, Шовшур-аскер! – в один голос заорали молодые воины. Даже те шаманы, что шли за Улуу-меге, казалось, позабыли страшную смерть десятника. – На Жорнице!!!

Шовшур повернулся лицом к Мржеку:

– Слышал? Мои воины пойдут с тобой.

– Для меня это честь, Шовшур-аскер из клана Сайгака, – церемонно, проявляя недюжинные познания в обычаях кочевых племен, проговорил чародей.

– Для меня тоже честь биться бок о бок с тобой, Мржек Сякера. И со славными воинами грозинчанами. – Аранк провел ладонью по редкой бородке. – Да поможет нам Саарын-Тойон. Вперед?

– Вперед! – отозвался колдун, разворачивая буланого.

Чамбул аранков вновь вытянулся по степи в походный порядок.

Теперь впереди скакали Мржек и Шовшур. Колдун слегка наклонился с высоты своего рослого коня и проговорил вполголоса, едва не шепнул на ухо аранку:

– Вздумаешь убежать или в спину ударить, смерть того шамана покажется за счастье. Понял?

Аскер кивнул. Чего уж непонятного? После умения, явленного колдуном, да если еще прибавить его холодную, изощренную жестокость, в неотвратимости беспощадной расплаты за предательство сомневаться не приходилось.

На степь спускались длинные осенние сумерки.

От Стрыпы, которую кочевники называли Великой Полуночной рекой, подул сильный ветер. Разогнал облака.

На юго-востоке вошла луна. Белесая и пористая, как кругляш овечьего сыра. Холодная, как труп.

* * *

Шинок «Желтый гусар», что расположился на Малярной улочке неподалеку от Покатого взвоза, за два квартала от церкви Святой Крови Господней, полностью сложенной стародавними умельцами из липы и осины без единого гвоздя, испокон веков имел двойственную репутацию.

Во-первых, славился он (и заслуженно!) замечательной кухней. Уже не одно поколение шинкарей Вацлавов Ботичей – а всем мальчишкам в этом роду давали имя Вацлав, различая их лишь по счету, как королей каких-то – радовало сердца и желудки славных выговчан изысканными и вкуснейшими яствами. Говорят, секреты приготовления самых знаменитых блюд передавались в роду Ботичей от отца к сыну, от деда к внуку и каждый Вацлав готов был умереть, но не выдать их соперничающим шинкарям.

Ах, как же кормили в «Желтом гусаре»!

Подавали сваренные на хлебном квасе-сыровце и на свекольном квасе борщи. Со свиной и с бараниной, с мясными и с грибными ушками, с печеной и с маринованной свеклой, с галушками и сосисками. Готовили юшки с фасолью и горохом, с цветной капустой и белыми грибами, заправленные салом, сливочным маслом, поджаренным до золотистой корочки луком. Варили капустняки, принятые больше в Заречье, чем в Прилужанах. Поначалу выговчане нос воротили от непривычной еды, а потом распробовали. Да как пристрастились – за уши не оттянешь. Настоящий капустняк готовят на свином бульоне с луком, морковью и петрушкой, добавляют квашенную капусту, которую прежде тушат на том же бульоне с салом и чесноком, а после, уже в тарелке, заправляют сметаной. Иногда капустняки делают с гречишной крупой или с пшеном, с грибами или с горохом.

Но особым блюдом, гордостью «Желтого гусара», какого не отведаешь ни в одном шинке столицы, была щучина. Откуда Вацлав Первый вызнал способ ее приготовления? О том ходили в Выгове едва ли не легенды. Одна страшнее и кровожаднее другой. Были там и предательство, и вырванное на смертном одре признание, чародейство и сверкание золотых монет. Но это все от зависти. Потому как ни у одного шинкаря, сколь бы он ни старался, ни заказывал щучину в заведении ехидно ухмыляющегося Вацлава, ни чавкал, стараясь распробовать все составляющие, столь вкусно не получалось. И дело, скорее всего, было не в какой-нибудь тайне или секретной составляющей, вроде заморской травки, а просто в умении, таланте шинкаря.

Ведь никто из Вацлавов – от Первого до ныне здравствующего Девятого – секрета из приготовления щучины не делали. Очисть щуку от чешуи, промой, удали кости, нарежь

хорошими кусками – в пол-ладони, не меньше. Вари, пока мякоть щуки не станет белой, потом доставай и остуди на леднике. После в юшку, что осталась от варки щуки, высыпают мелкую потрошенную рыбу – карасей, красноперку, ершей, – добавляют плавники и голову (только во имя Господа, без жабр) щуки, морковь, лук и варят до тех пор, пока жидкость не станет вязкой да густой, хотя и сохранит прозрачность из-за малого огня. Тогда юшку процеживают через крупное сито, отделяя вываренную рыбешку и подают к столу в глубоких мисках. А с нею вместе подают и вареную щуку, пересыпанную очищенными вареными шейками раков, мелко нарезанным зеленым луком, укропом и петрушкой, тертым хреном.

Вот и все.

Казалось бы, чего сложного?

Ан нет, не получалось ни у кого, кроме Вацлавов. И никто не мог разрешить эту загадку. Ну, не чародейством же они, в самом деле, варке помогали? Не может такого быть. Семейство почтенное. Просто так, ради лишней выручки, Контрамацию нарушать не станет.

Много чего подавали в «Желтом гусаре»... Всего и не перечислить. Ну, разве что самую малость, для привередливых посетителей?

Щучью икру и карпа с медом, леща с хреном и яблоками и завиванец из судака, рыбные крученики по-выговски и линия с капустой по-таращански, запеканку из сома и угря отварного, студень говяжий с грибами и мясные оладьи, полядницу малолужичанскую и сиченики скочинские с начинкой из хрена, баранину с черносливом по-угорски и жаренную в углях большим куском свинину по обычаю зейцльбержцев... А уж колбасок всяких – кровяных, острых, жирных, постных – не счесть, не говоря уже о голубцах, галушках, варениках, блинах и блинчиках, лемишках, пампушках, буцках с медом... И это не считая мелочей, вроде отварного языка или жареных мозгов.

Редкий обжора мог бы посидеть вечер в «Желтом гусаре», поглощая стряпню очередного Вацлава и его многочисленных помощников, оруженосцев вертела и поварешки, и остаться недовольным. По крайней мере, за последние полтора столетия лет выговские обыватели такого не припоминали.

Запивали яства холодными напитками – квасом ржаным сухарным и квасом малиновым, а то и земляничным для особых ценителей, а также напитками горячительными. Угощали тут и медом выговским, крепким и сладким, и вином угорским, густым, как кровь, и терпким, обладающим поистине божественным ароматом, и пивом всяческих сортов. К слову сказать, пиво Вацлавы сами не варили (что-то же и у таких умельцев должно не получаться), но привозили со всех концов суши. Светлое, слегка желтоватое, но страшно крепкое, из Руттердаха; кислое и колючее, кусающее за язык и небо, из Заливанщина; темное, густое и горькое, уховецкое; совершенно особое, ни с чем не сравнимое благодаря ледниковой воде, искоростянское; чуть мутноватое, но сытное и сладковатое из-под Батятичей.

И, конечно же, подавали в шинке горелку. А какой же, спрашивается, шинок без горелки? Разве ж это приличное заведение получится?

Нет уж, никак не приличное. А просто курам на смех. Приют для чернецов, принявших самый строгих обет.

Ничего подобного Вацлавы себе позволить не могли. Горелку делали сами, никому не доверяли. Варили ее из пшеницы и из яблок, из груш и из слив. Ведь кому-то нравится настоящая лужичанская горелка, такая, чтоб глоток хватанул – и слезы из глаз, а кто-то предпочитает легкую, фруктовую, наподобие цуйки угорской. Как бы то ни было, а напиток после приготовления очищали на березовых углях, а после настаивали. Настаивали на рябине и калине, на боярышнике и терне, на черной сушеной смородине и вишне. В общем, на всякий вкус, даже на самый взыскательный.

И валил бы народ в «Желтого гусара», презрев тесноту и дороговизну, кабы не вторая слава, о которой речь пойдет ниже.

А беда в том, что шинок облюбовали для ежевечерних развлечений многочисленные расквартированные в Выгове военные, которые к обывателям относились, мягко говоря, не любезно. То есть, могли купцу либо мещанину миску горячего вылить за шиворот или на уши надеть, а потом наподдать под зад кованым сапогом, а могли и покалечить невзначай – зубы выбить или усадить с размаху на утопанный пол, после чего люди долго не жили, а весь отпущенный Господом краткий срок мочились пополам с кровью.

Заглянувших на огонек приезжих шляхтичей – свои, выговские, зная о репутации шинка, старались без особой нужды не заходить, а если и появлялись, то по приглашению и в компании знакомых служивых, – оценивали взыскательно и могли принять по-разному.

К примеру, гонористого толстосума откуда-нибудь из-под Скочина, озолотившегося на торговле пшеницей, льном и пенькой, могли позвать за свой стол, раскрутить на обильное угощение для всех, напоить до полусмерти, да и выкинуть в сточную канаву. К слову сказать, одну такую канаву, что по южной стороне Покатого взвоза пролегла, городская стража так и называла – Панская. Надо думать за огромное количество извлеченных оттуда продрогших, посиневших, ничего не помнящих из событий прошлой ночи шляхтичей.

Если появлялся какой-нито задира из малолужичанских голоштанников или реестровый сотник не столичной хоругви, дело обычно заканчивалось поединком. Не всегда честным, но почти всегда со смертельным исходом. Ну, не любили выговчане наглых провинциалов, и все тут! Что поделаешь? Кстати, особой нелюбовью отличались именно те, кто сам на коронную службу из батюшкиного маетка, затерявшегося между Тесовым и Терновым, прибыл.

Конечно, случалось местным бойцам нарываться на добычу не по зубам. Тот же громкоизвестный пан Цециль Вожик, называемый некоторыми Носатым Убийцей, побывал некогда в «Желтом гусаре», попил пива и горелки, поел борща с пампушками, галушек со шкварками, отведал карпа, запеченного в сметане, и заявил, что более тошнотворных помоев он не едал с того времени, как вырвался из зейцльбержского плена. Вацлав Девятый от подобного обращения, что называется, одурел и, не зная, с кем имеет дело, попытался выкинуть вон сутулого, неприметного шляхтича с длинной саблей на перевязи. Не сам, ясное дело, не сам. Покликал двоих работников поздоровее. Выставьте, мол, деревенщину взащей. Пан Вожик, не вынимая сабли из ножен отлупил вначале вышибал, а после и по ребрам Вацлава Девятого прогулялся, по спине и пониже спины. Так, что доблестный шинкарь дней пять присаживаться на твердое опасался, нарочно подушку-думку из дому в шинок притащил. Присутствующие при сем непотребстве ротмистр Выговских драгун, один наместник и два сотника Выговских гусар, некоторые не запомнившиеся командиры охранной стражи Выговского порта и отряда obsługi защитных башен возмутились и попытались разбушевавшегo пана приструнить. Вначале поодиночке, а после и все вместе. Драка вышла знаменитая. Одного ущерба заведению brave вояки нанесли на полсотни серебряных «корольков». Пан Цециль вначале развлекался тем, что выбивал сабли из рук гусар и драгуна, а когда они нагибались за оружием, успевал звучно лягнуть вельможных панов по ягодицам. Но после того, как кто-то зацепил его кончиком клинка по запястью, озверел и начал всерьез обижать выговчан. Итогом схватки были: три отрубленных уха, четыре пальца сотника-драгуна (надо думать, бедняга уже оставил воинскую службу), несколько изрядных росчерков по щекам и лбам (вертясь выюном во всеобщей свалке, пан Вожик заметил, что шрамы настоящих шляхтичей только украшают), вспоротый живот неловкого портового стражника. С тех пор пан Цециль Вожик Выгов не посещал под угрозой задержания, публичной порки и лишения шляхетских привилегий, а завсегдатаи «Желтого гусара» гораздо разборчивей стали выискивать мишень для упражнений в остроумии...

В хмурый осенний вечер на исходе кастрычника чужаки в «Желтый гусар» не забредали. Да и реестровых военных пришло не так много. Сказывалась и отвратительная погода,

так и нашептывающая на ушко – сиди дома, а за горелкой денщика лучше пошли, и разгоревшаяся война за Елучем, на границе Великих и Малых Прилужан. Многие поражались – король Юстын против войны, князь Януш Уховецкий тоже боевых действий не одобряет и от претензий на престол Малых Прилужан отказался перед всем своим войском, а война-то не заканчивается. Гоняются друг за другом от Крапивни до Крыкова сотни озлобленных шляхтичей, коронные хоругви осадили Крыков, заступивший дорогу на Уховецк. Кто-то из магнатов за свой счет снаряжает отряды почистить перышки зарвавшимся бело-голубым, а кто-то и очень даже неплохо наживается на поставке оружия, обмундирования, коней, провианта. Может, потому и начхать хотели князья и магнаты на ежедневные указы короля? Хвала Господу, война не под боком, а на землях северных соседей и до недавнего времени названных братьев развернулась. А другого такого случая разбогатеть или преумножить имеющееся состояние, может долго не представиться. Но и военным хотелось отправиться на север. Размять кости, показать удаль друг перед другом и перед врагами, а выпадет счастливая возможность, так и разжиться чем-нибудь из добра побежденных. А что? Кому война, а кому и мать родная.

Таким образом в самом Выгове осталась только гусарская хоругвь, стража порта и башенная обслуга – мастера стрельбы из баллист и катапульт.

Поэтому и в большой зале «Желтого гусара» столпотворения не наблюдалось. Сидели несколько гусарских урядников, полусотник-стражник с прибывшим попытать счастья в столицу младшим братом.

Вацлав Девятый откровенно наслаждался покоем, хотя, несомненно, в глубине души сожалел о потерянной выручке. То ли дело гуляли десять дней назад, когда вторая драгунская хоругвь уходила на север. Пили, как последний раз...

В правом углу залы, на высоком табурете, нарочно для этого отведенном, сидел шпильман. Некогда прославленный острослов из обедневшего шляхетского рода Кжесислав, прозванный за умение разбередить душу Штрыкалом, вот уж лет пять как прижился в столичном шинке. Развлекал панов военных игрой на лютне и душесипательными песнями. Сейчас он грустил по причине глубокой влюбленности в жену торговца кожами с Горбатой улицы. Хорошенькая мешаночка, как ни странно, на ухаживания знаменитого шпильмана не отвечала, чем повергала его в неподдельное уныние и недоумение.

Кжесислав задумчиво перебирал струны лютни, мурлыкая нечто в коломиичном размере:

– Мои годы, мои годы, годы молоденьки,
Когда доля несчастлива, будьте коротеньки.
Пошли кони на пшеницу, на ней попасутся,
Прошли годы понапрасну, уже не вернутся.

А в эркере, за кувшином доброго вина, привезенного аж из-под Дерно, чьи виноградники славились поболее, чем искоростяньские, сидели хорунжий Выговских гусар, вельможный пан Анджиг Далонь и ротмистры той же хоругви паны Павлюс Пчалка и Гурка Корак. Сидели, пили понемножку. А куда торопиться панам гусарам? Выговская хоругвь по особому распоряжению короля Юстына оставалась в столице, каким бы боком раздор с малолужичанами не обернулся. Обсуждали новую саблю пана Анджига. Мастер-оружейник делал ее на заказ, учитывая рост, длину руки, ширину плеч и даже вес пана хорунжего, больше полугода мучился с гравировкой лезвия. Как утверждал кузнец, и сталь на клинок пошла особая. Редкий мастер в Прилужанах ее секрет помнит. А если и помнит кто, то передаст только старшему сыну. А коли не нашлось наследника, чужому ученику-подмастерью ни за что не узнать. Так и пропадает потихоньку секрет древних клинков, тайна узорчатой, «поло-

сатой» стали. Это при короле Зориславе каждая пятая сабля из нее ковалась. Сейчас – считанные единицы. Кузнец обещал, что новая сабля Анджиг будет рубить клинки врагов, как липовые палки. Но и плату взял – будь здоров. Анджиг Далонь отдал годовое жалование гусарского хорунжего, не торгуясь. Подумаешь! Неужто батюшка-король позволит голодать или в долги к ростовщикам залезть? Да никогда. А если Юстын и вздумает волю проявить и показать всему Выгову, что нет ему разницы между сыном и любым другим шляхтичем, то матушка Катаржина в обиду не даст. Уж всяко мешочком серебра посодействует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.